

Александр Кулькин

**КОГДА НАША
НЕ ПОПАДАЛА**

Александр Кулькин

Когда наша не попадала

«Махров»

2013

Кулькин А.

Когда наша не попадала / А. Кулькин — «Махров», 2013

Это сказка, дорогие читатели. Это сказка, рассказанная бабушкой Клио своей непоседливой внучке – Альтернативной Истории. Это былина про те времена, когда по Океану, еще не окутанному Морским Кодексом и страховыми компаниями, скитался вихрь времени, отправляя путешественников навстречу испытаниям и подвигам. Придётся и нашим героям не раз ставить на кон и свои жизни, и свою удачу. Ведь столько дел надо переделать на всех континентах и во всех временах, чтобы наконец-то расступились стены и открылась Атлантида... А что по дороге, придётся встретить Алладина и Одиссея, спасти кенгуру и кицунэ, поспорить с богом и поругаться с инопланетянами, так, то же дорога... и единственной наградой героям будет простое «Спасибо», и чувство удовлетворения, что человеку помогли найти Родину. А впереди снова путь. Дорога, она самая требовательная из женского рода, она никогда не может ждать.

© Кулькин А., 2013

© Махров, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Кулькин

Когда наша не попадала

Автор выражает глубокую благодарность коллегам с форумов «В Вихре времен» и «Дружина» за неоценимую помощь в написании этой книги. Особая благодарность коллегам Лесе Яворской, Сергею Бузинину и Сергею Акимову. Без них этой книги никогда бы не было.

Стихи и песни взяты в открытом доступе в сети Интернет.

Пролог

Любые совпадения имён собственных, ником собственных и заимствованных, времён года, географических координат, et cetera, et cetera, являются непреднамеренной случайностью. Иски о возмещении морального, материального и физического и/или психического ущерба не принимаются в любое время и в любой точке нашей Вселенной.

Академик N¹ невольно поморщился, слушая стартовый отсчет. И чего он послушался этих вояк, которые притащили команду с космодрома? Как же... «Соображения национальной безопасности, исторический шаг...» Слушай теперь эту белиберду:

– Сто двадцать, сто девятнадцать, сто восемнадцать. Отошла кабель-мачта...

От капсулы действительно отошла девушка в белом комбинезоне и потащила в угол жгуты проводов. «Странное у неё имя», – удивленно подумал академик, но тут же забыл об этом.

– Сто семнадцать, сто шестнадцать... Продувка, ой, не то... Промывка? Чего? А-а-а, нали... – микрофон отчетливо щелкнул, и в зале воцарилась тишина. Впрочем, ненадолго: кто-то включил метроном, и вздохнувший с облегчением академик погрузился в свои учёные думы. Давным-давно он высказал гениальную мысль о возможности путешествия во времени. Сразу после того, как в школьной библиотеке прочитал Уэллса. Но тогда его планы были иными: побраться в будущее, списать уже готовую контрольную по математике у отличницы Y² и, вернувшись в настоящее, получить «пятерку» и полтинник премии от отца. Долго и упорно шёл он к своей цели. С огромным трудом, в основном за счёт зубрежки, защитил диплом и с помощью физорга института (выступая в боксе за местную команду) остался в аспирантуре. Бокс ему очень помог и при защите диссертации. Оппоненты, близоруко моргая, смотрели на его кулаки и соглашались с ответами. А дальше пошли серые будни, докторская уходила всё дальше и дальше в неведомое будущее, на ринге теснили соперники, и мечта о собственной лаборатории становилась хрупкой, как молодой ледок на озере. Но во время матча с наглым перворазрядником неожиданная мысль ударила в голову. Вернее, вначале был кулак в боксерской перчатке, потом нокаут. Но после команды судьи будущий академик встал с пола, оттолкнул рефери и убежал в раздевалку, стараясь быстрее зафиксировать свежеприобретенную мысль на бумаге. Мысль была особенно гениальной, так как для страны пришло время платить по кредитам. Платить было неохота, и возможность полностью поменять историю пришлось ко двору. Были взяты очередные кредиты, причём банкиры поражались ехидным улыбочкам высоких договаривающихся сторон, с легкостью соглашающихся на грабительские проценты. Тогда же из сту-

¹ Имя и фамилия удалены по соображениям безопасности

² Имя и фамилия удалены по соображениям безопасности

дентов-историков были отобраны Испытатель и его дублеры. И вот десять лет позади, сегодня решающий момент.

Динамик вновь ожил:

– Пять, четыре, три, два, один! Пошла, э-э-э, пошёл родимый, кхе-кхе. Да дайте же огур...

Воцарилось тишина, но академик, проморгавшись от яркой вспышки, не скрывая слёз, всё смотрел и смотрел на опустевшую капсулу. В голове была только одна мысль: когда же, когда волна изменений дойдёт до них? В этот раз он не пойдёт по другой стороне улицы! Он обязательно перебежит, пусть и на красный свет, и встретит Y^3 с тем наглым F^4 . Он объяснит этому хаму, как подло уводить девушек. И она обязательно останется с ним, пусть и бедным кандидатом наук!

По плечу деликатно похлопали. Академик обернулся и с недоумением посмотрел на троих в незнакомой форме.

– Вы арестованы. Вот международный ордер на ваш арест. Прошу не оказывать сопротивления и проследовать за нами.

– Кто вы? У меня, в конце-то концов, защита моего правительства. И вообще, в чём меня обвиняют?

– Вы обвиняетесь в преступном хищении кредитов МВФ на общую сумму в сто миллиардов долларов. Согласие вашего правительства получено, вот подпись на ордере. А мы являемся международными аудитполицейскими МВФ. Вы можете хранить молчание, любое ваше слово может быть использовано против вас. И не оглядывайтесь, по уточненным данным, любое вмешательство в прошлое образует параллельную реальность...

³ Имя и фамилия удалены по соображениям безопасности

⁴ Имя и фамилия удалены по соображениям безопасности

Глава первая

Куда наша попадала

Воспитанник волхва Ивашка грустно смотрел на большой мухомор и размышлял, срезать его или просто пнуть ногой. Срезать не хотелось, надо же было при этом читать гимны из священной книги, и не просто читать, а с выражениями и соответствующими позами. Позы были охальными, и, честное слово, Ивашка сильно подозревал, что намалевал их второй ученик волхва, широко известный в девичьих светёлках Кыд. А потом ещё и нож надо мыть в воде ключевой, чистой и безгрешной. И, спрашивается, зачем пресветлому волхву мухоморы? Он же ими брезгует и всегда именуется «заморской заразой». После того как Щерый перед волхованием пробовал курить те листья, что привёз в подарок ушкуйник Спесь, он стал очень настороженно относиться ко всему иноземному. Листья-то ему понравились, но вот предки явились явно не местные и стали требовать строительства чего-то несуразного и приношения человеческих жертв. Да еще чего-то про конец света бухтели, хотя ещё и полуденный час не наступил. Ажно на что князь незлобив, да и тот хотел было пришибить волхва за несуразные требования. Людишек в княжестве и так мало, а тут строй какую-то «пирамиду», да потом последних смердов режь...

Так что, пока эта чушь в голову не втемяшилась, Спасю крепко дали по шапке и велели по пьяни новые земли больше не открывать. А то в следующий раз вообще какую-нибудь заразу привезёт, вроде того зверя, прыгающего на задних лапах и отмахивающегося хвостом. Как его Спесь называл? Кенга какая-то. Шибко ловко та кенга прыгала... До ближайшего болота. А там... Бульк и всё. Нет, прав князь, нечего нам в этих иностранщинах делать, народу ещё маловато. Вот станем на ноги и тогда выберемся из лесов и крепко-накрепко объясним всем оставшимся, чтобы к нам не лезли! И людишек своих в жертву приносить не будем, Ярило-то и так взойдёт. Интересно же ему, что нового на свете, чай, живой...

На ближайшем холме ослепительно вспыхнул огненный круг с клубящейся темнотой внутри. Ивашка с сомнением покосился на мухомор – нет, он же его не ел. Так откуда видения? Из круга вывалился, оглашая окрестности исконно местными заклинаниями, какой-то человек. Это что ещё за чудо? На предка, вроде, не похож, даже на иноземного. Ладно! – ученик поудобней перехватил нож и с опаской стал приближаться. Круг тем временем погас, и вываленец встал на ноги. Заметив Ивашку, он обрадовался и, пробормотав что-то вроде «тип нордический, с явной примесью угро-финского генотипа», громко произнёс:

– Возрадуйся, отрок! Ибо воззрел ты на лик бога светлого и, кали ласка, будешь нарекаться лучшим пророком нового Учителя...

Ивашка деловито осмотрел пришельца и задумчиво протянул:

– Ну ты, паря, попа-а-ал. За сманивание чужих учеников вира такая, что мало никому не покажется. Да и пророком я быть не хочу, Спесь гутарит, что их камнями побивают. А мне прошлой зимой Машка, коваля дочь, обычным снежком так зазвездила под глаз, что ясным днём Стожары увидел.

Человек явно растерялся:

– А год какой на дворе?

– Смотря на чьём. У народа тридцать восьмой со дня князя нового, у волхва... – Ивашка пожал плечами, – Не помню точно, по какому календарю он сегодня со Спесем с утра напился. Так что сам у князя и спрашивай.

– Э-э-э... – стал менжеваться мужик, – Слушай, зачем нам сразу князь? Давай посидим, разберемся, покушаем. Дорога у меня дальняя была, проголодался я.

– Не балуй! – строго предупредил отрок и отступил на пару шагов. – Прошлой весной волота нашего купцы чужеземные тоже накормили. Так он потом с оглоблей два дня дружину по буеракам гонял. Князь потом ему ещё благодарность объявил, за учения, максимально приближенные к боевым.

– А с купцами что стало? – обалдело поинтересовался пришелец.

– Да кто же их сердешных знает? Они же совсем рядом были, когда волот их пилава откушал. Сильно потом пить хотел и ругался непотребно, когда дружинники хотели его от озера с любимыми раками князя отогнать. Ладно, ты мне зубы не заговаривай, пошли к князю!

Во княжеском дворе попаданец начал с интересом оглядываться, Ивашка же нетерпеливо высматривал своего дядьку, старшего над десятком воев. На вымощенном камнями пространстве кипела нормальная жизнь. Каждый занимался своим делом: кто нёс на кухню высокие корзины с овощами, кто тянул за хвост большую рыбину, крепко застрявшую головой в узенькой калитке. Двое конюхов с азартом скидывали свежескошенную траву с телеги, успевая щедро разбрасывать комплименты пробегающим служанкам. У ворот клетки двое заросших дурным волосом охотников из дружеского племени ейти что-то степенно выговаривали хозяйственному боярину Ершу. Тот, подпрыгивал на месте, чтобы заглянуть в глаза старшему из лесовиков, и возмущенно махал зажатой в руке палкой с крупными нарезками, но старшой, чью шерсть уже тронула седина, мягко отодвигал палку своей лапищей и вновь басил что-то о бобрах и зубрах. Мимо с шумом и криком промчалась ватага девчат, возглавляемая почему-то крупным гусаком. На секунду ошеломленного Ивашку окутало сладким запахом девичьих мечтаний и хихиканий. После чего наваждение сгнуло, оставив воспоминание на ноге о щипучем гусе и на ухе – о чых-то острых зубках. Голоса, крики, добродушная брань сливались в ровный шум, но время от времени гул голосов перекрывали причитания из отдельно стоящей избы, поднятой на бревнах:

*Ни спрощу-то я, не спрощусь да
Я цюжова цюженина, да
Я цюжова цюженина, да
Я ни свой хлиб-от кушала, да
Я ни свой хлеб я кушала, да
Ни тибя я ли слушала, да
Не тибя я ли слушала, да
Я и слушала тятеньки, да
Я и слушала тятеньки, да
При последнём-то времицьке, да...*

Время от времени слова перекрывались высоким, уверенным голосом:

– Так, Дуня, этот сундук сюда подвинь. И румяна подай, что от Шемириады привезли.

*Да прощу я у тятеньки,
Да у родимой мамушки.
Да у родимой мамушки
Да благословленья великого.
Да благословленья великого,
Да чиста сердца ретивого.
Да чиста сердца ретивого,
Да ваше-то благословленьице.
Да ваше-то благословленьице
Да очень мило и дорого.*

Ивашку дёрнули за рукав, он обернулся:

– Что ещё?

Пришелец остекленевшими глазами уставился на теремок, и Ивашка, проследив за его взглядом, снисходительно объяснил:

– Не обращай внимания, традиция, однако. Бояны ведь издавна распевают: «Живёт моя зазноба в высоком терему...» А у нас, чай, не Европа какая-то, традиции чтим.

– А как она и петь успевает, и командовать сразу? Да ещё и голос меняет.

– Тю, диковинку нашёл. Да этих причиталок в каждой избе по три-четыре валика хранится. С тех пор как Эдька Сонов сын из Тмутараканского княжества свой агрегат привёз, «песнехран» называется, только ленивый им не пользуется. Он всё пытался его как-то иноземному назвать, «фонограф», что ли, только не прижилось. Прогрессор, как говорит мой наставник волхв Щерый – попаданец, ничего не добился.

– А почему прогрессор обязательно должен быть попаданцем? – удивился выпаданец.

– А как же иначе? – в свою очередь удивился такой непонятливости ученик волхва. – Ведь все, кто к нам попадает, так или иначе сразу про прогресс гутарить начинают. То прогрессивный феодализм навязывают, как тот, то ли дьук, то ли дьяк, не помню, малой совсем был. Попал к нам вместе со своими воинами, князя ещё обидел, назвал его, как говорят, родо-племенным общинником.

– И что? – с огромным интересом спросил гость.

– А ничего, – отмахнулся парень, махая кому-то. – Получил по башке, раскинул мозгами, и понял напоследок, что был неправ. Вот и дядька мой, сейчас всё решим.

Подошедший вой кивнул племяшу и, мельком глянув на прогрессора, коротко спросил:

– Ну?

– Дядька, вот, к князю привёл. Чудной человек, из огненного круга вывалился. Учить всех собрался. Дозволь пройти.

– Не спеши. Кручина у князя. Привезли ему какие-то свитки из-за моря, ноты называются, что-то там ещё про дипломы говорилось. Так он, видно, музыкой занялся, кручинится над этими нотами, мне сказал, чтобы я дружинника послал за Спесем.

– Ой-ой-ой, – причитал ученик волхва. – Дядька, нескоро мы их увидим. Ты же им третьего добавил.

– Мда-а-а... – задумчиво почесал в затылке десятник, – Значитца, треугольник получился, конструкция стойкая. А ежели ещё одного послать?

– Никак нельзя! Это же получится, что ты им ещё одну вершину добавишь. Только уже в пространстве, – присев на корточки, Ивашка быстро сконструировал макет из подобранных палочек и четырёх редек, выхваченных из корзины пробегающего мимо кухонного мальчонки.

Грузно опустившись рядом, дядька некоторое время смотрел на получившуюся фигуру, потом задумчиво добавил ещё одну редьку в основание и недовольно пробасил:

– Тут моего десятка, пожалуй, не хватит. Опять квадратура круга получится, все же упьются и в основание лягут.

Станный звук прервал конструктивную беседу, и собеседники подняли головы. Прибывший стоял с вытаращенными глазами и беззвучно открывал и закрывал рот. Наконец-то ему удалось выдать несколько слов:

– А геометрию Лобачевского не пробовали применить?

– Не знаю никакого Лобачевского, – насупился десятник. – А ежели ты о Лобастом татарине, так он ещё прошлой весной сам убедился, что параллельные прямые не только пересекаются, но и скрещиваются.

– Это ты про Марфушу, что ли? – расхохотался Ивашка. – Как она любила говорить: «Отстань, ты мне глубоко параллелен»? Сколько у них малых-то?

– Уже трое, да и опять она на сносях. Так что Лобастому не до геометрии, только успевай зарабатывать. Хороший сапожник из него получился. Ладненко, пошли к князю, небось он уже наигрался в музыку с дипломом.

В горницу к князю ввалились втроем. Хозяин сидел за дубовым столом и вертел в руках какую-то раскрашенную верёвку с узелками. Завидев десятника, он встрепенулся:

– Ну что? Скоро ли Спесь придёт?

– Нет, княже, – смущенно потупился дядько. – С волхвом они это... празднуют что-то. Может быть, завтра с утречка попробую...

– А-а-а. Понятно, ну ладно, иди, служивый. Да скажи там, чтобы валик сменили. С утра слушаю, уже наизусть выучил, скоро сам причитать буду. Так, а вы с чем на мою голову? Что за вести принесли? Впрочем, можете не говорить, ничего хорошего...

Ивашка не удержался и всё-таки спросил князя о верёвке. Тот хмуро посмотрел и отбросил её в сторону, как удавку.

– Тьфу на них. Вот с караваном передали, то ли бриты, то ли какие небриты. Скотты натуральные, побери их Велес. Говорят, из-за моря прислали, вот и гадай теперь. То ли самому на ней повеситься, то ли Спесю повесить? Говорил же я ему: не лезь в устья, иди наверх по реке. И штуkenцию эту от желтолицых подарил, чтобы планы составлял. Компаса называется, а всё равно читаешь его лощи и диву даешься. «На три лаптя правее светила, плыли долго, брага кончалась... Пристали к берегу, кого-то били, потом пили, хмельное дрянное, опять побили, поплыли дальше».

– Так, княже, ходил он наверх, – с вежеством поправил владыку Ивашка. – Он же волхву рассказывал...

– Да помню я! – с досадой отмахнулся князь. – А ты хоть помнишь, что он рассказывал потом?

– Да, – неохотно согласился ученик волхва. – Опять пили, били, снова пили. Но, судя по его синякам и заплывшему глазу, народ там крепкий живёт.

– А толку-то, – продолжал жаловаться властитель. – После его путешествий мне вон списки шлют. И все ругательные. Куда бы его отослать лет этак на десять? Вот ты, – обратился он к попаданцу, – человек новый, может, посоветуешь что?

Тут неожиданно подал голос и гость, к которому уже стали относиться, как к предмету мебели.

– А вы его в Антарктиду отошлите, пусть там флаг княжеский поставит. На будущее пригодится. Вот наступит новое время, а у вашего княжества и природные ресурсы, и территория своя, огромная.

Князь уронил свиток, поднялся со своего богато украшенного резьбой кресла и прошёлся по горнице, рассеяно трогая разные диковины. Ивашка зачарованным взглядом проследил за руками вождя. Ох, как он хотел добраться до этих заморских вещичек, но увы. Вот палец бережно коснулся стеклянной птички, смахивая с неё несуществующую пыль. Прочная была птичка, парень даже покраснел от воспоминания, как ухитрился уронить вещичку две зимы назад, когда волхв его правителю представлял... Тут, как раз вовремя, ожил странный механизм в темном углу. С хрипом и скрежетом начали бить колокольчики, и из многочисленных окошек вывалились сверкающие Луна, Солнце и звездочки.

– А, чтоб тебя! – беззлобно ругнулся князь, вздрогнув вместе со всеми, и обернулся к советчику. – А что, или кто, это – Антарктида?

– Ну, континент такой, земля. Она ещё льдом вся покрыта, – заспешил с объяснениями пришелец. – Там ещё зверюшки живут забавные. Пингвины называются, все черные, а живот белый, плавают здорово.

Князь и Ивашка грустно переглянулись и, сожалеючи, вздохнули:

– Лет пять назад али более привозил Спесь такую зверюшку. Шибко ругался, обещал, что туда больше ни ногой, ни веслом. Жалко зверя, летом от жары помер. Ну ладно, разберемся. У тебя-то что за забота, мил человек?

На глазах у Ивашки выпаданец разом принял горделивую позу и стал вещать. Вои славные ходили на закат и восход, направо и налево. Били всех, кто попадетя. А кто не попадался, тех ловили и тоже били. Мечи, все из какой-то высокоуглеродистой стали, рубили всё, до чего дотягивались воины. Не менее славные селяне рубили новыми топорами вековые деревья и пахали землю всё теми же новыми плугами. Куда они эти деревья девали, было непонятно, потому что и дома, и крепости весело, с энтузиазмом строили из какого-то «бетона». Впрочем, когда пророк упомянул о гигантских кузнях, что были выше княжеского детинца, тогда стало ясно, куда денутся деревья. Заводили заводы для выращивания рыбы, и даже последний смерд вволю кушал не то что осетрину, а даже заморскую рыбу мойву! К середине речи и князь, и ученик начали скучать. А к концу патетического выступления о славных победах под руководством бога Прогресса и верного архангела его, в светлом круге появившегося, откровенно зевали.

– Что-нибудь нового услышал? – спросил князь у Ивашки, когда «великий архангел» наконец-то смолк.

– Ничего реального, – прикрыл ладонью зевок юноша. – Все отхожие ямы давно забетонированы, и зачем крепость из него строить? Дерево не в пример лучше будет. Оно же живое. Дамасскую сталь коваль скует, если надо будет. Только возни с ней много. А по остальному... Рыбы в реках и озерах столько, что весной и Спесь на берегу сидит, по реке проплыть невозможно. Решай сам, княже. Только вот как хромой Петс помер, ямы-то чистить некому...

– Вот и хорошо, есть, стало быть для тебя, иноземец, занятие, если вздумаешь остаться у нас. Бога своего ждать. Ну и мы подождём, потому что неблагодарное это дело, Прогресс пихать, он же и обернуться может...

Глава вторая

Где наша не попадала

Спесь сидел на палубе и грустно чесал давно не стриженую голову. Ладья, отремонтированная так, что стала совсем новой, ходко бежала по течению. Почти вся команда отсыпалась после горячих проводов. Очередная «экспедиция» началась успешно... То есть никто ничего не помнил. Над раздольем реки зазвучала песня, и Федоров сын с надеждой поднял глаза. Но, увы, оказывается, это храпел привязанный, по традиции, к мачте скальд. Сонов Эдька всё пытался свой «песнехран» всучить, но на кой лях он нужен в море? Ни выпить, ни подраться с ним. То ли дело Эйрик, прибившийся к ватаге в одном из походов. Как запоет, особенно с похмелья, так даже раки из воды выскакивают на берег и драпают куда подальше. Интересно, а кто на руле? С трудом повернув голову, отчего в ней закружилась карусель, Спесь воззрился на корму. На руле был Гриць. Самый могучий и стойкий ватажник. Только сейчас он просто лежал на правиле, распугивая волны могучим храпом. Паническая мысль попыталась достучаться до сознания, но потом обиженно сплюнула и навсегда исчезла из головы.

Неожиданно ладья остановилась, да так резко, что даже храп Гриця на секунду прервался. Спесь Федоров сын с трудом поднялся и добрался до борта. Оказывается, ладья, влекомая быстрым течением, уткнулась в здоровенную белугу, вольготно развалившуюся на стрежне.

– Вот я тебя! – грозно крикнул (по крайней мере, попытался) Спесь, делая вид, что тянется за острогой. – Тебе шо положено? По дну ползать, питаться, так сказать. А людишкам не мешать и судовождению помех не творить! В уху пойдешь?

Белуга широко зевнула, потом лениво встала на хвост и покрутила плавником у виска. После чего неслышно, но тем и обиднее, рассказала Спесю, что она думает о судовождении, лично о нём самом и в общем о его ватажниках. Не дожидаясь ответной реакции и сверкнув на солнце влажными боками, грациозно перевернулась и ушла на положенную ей глубину, послав на прощанье хвостом добрую бочку прохладной воды. Омовение бодряще подействовало на команду, некоторые даже открыли один глаз.

– Всем вставать!! – Свирепо зарычал капитан. – Дожились, в родной реке каждая таранка на смех поднимает! Общий сбор!!!

Все построились недружной шеренгой. Кормчего и скальда решили не будить – и так на виду. Спесь не торопясь прошелся вдоль колеблющегося строя, с надеждой вглядываясь в лица. Но все лица были как на подбор красные и ничего не говорящие. Вернее, говорили они понятно, но всё не то. Про рассол Спесь и сам думал, только где же его взять-то. Хотя... Стоп! А это кто? Атаман растерянно уставился на Ивашку:

– Ты чего тут делаешь?

– Дык... это... – как-то странно замялся ученик волхва.

– Нема Дыка, – грустно ответил Спесь, – забыли мы его где-то у арапов, понимаешь. Небось, давно уже ампирактором сделался. На лодью его теперь и пивом не заманишь. Так что ты не мямли, а говори коротко и по существу!

– Вот! – ответил Ивашка коротко и по существу, сунув в руки атамана мятый свиток.

Полюбовавшись на княжескую печать, Спесь затосковал:

– Слышь, паря. А может, ты до меня не дошел, а? Ну загулял, дело молодое, пришёл, а мы уже, того... нема нас.

С громким хрустом заработали мозги у юного кудесника и, в конце-то концов, выдавили изо рта вопрос:

– Так я это... уже здесь. А князь – там.

Судя по круговому движению руки, Ивашка всё-таки решил проблему единого в нескольких лицах и расселил князя везде и нигде.

– Так тут недалеко! – фальшиво обрадовался Спесь. – Быстренько добежишь и докладёшь, шо не успел. Я тебе даже аквавиты, на ход ноги, налью!

– Нет, батько! Не пойду!! Кругом водяницы, поляницы, дриады-триады, а я ещё молодой! Не вели казнить, вели миловать! – ученик, впрочем, уже бывший, с грохотом рухнул на доски палубы.

Атаман растрогался: его величали как владыку, отцом родным.

– Ну, вставай, вставай, сынку. Заодно и прочтёшь нам, шо князь-надёжа писать изволил.

Расторопные молодцы бережно подняли грамотея и для начала вручили ему ковшик. С тоской посмотрев на полуведерный малый ковшик, Ивашка зажмурился, но храбро выпил залпом содержимое.

– Так это вода!! – потрясенный собственным открытием, волхв даже не стал открывать глаза.

– А то... – гордо подбоченился атаман. – На лодье не пьём хмельного! Всё равно ничего нет. Ты давай читай. Громко и с выражением. Нет!! Выражений не надо.

Подождав, пока Спесь сломаёт печать, Ивашка развернул свиток, и...

– Шас спою! – любезно предупредил окружающих скальд.

Но не было на борту робких душ, и в уже открытый рот Эйрика влетел добрый кусок окорока.

– Читай, читай. Успеешь, – подбодрил юношу ватажник по прозвищу Геллер. Когда-то, на каком-то берегу, где жили странные люди, что-то лопотавшие не по-нашему, ему в трактире насыпали сдачи за честно отданную полушку. То ли талеры, то ли геллеры, кто их знает. Ни слова разобрать было нельзя, немцы, одним словом. Худого слова Володимир не сказал, крепень, а не человек! Молча разнес по бревнышку всю корчму, забрал полушку, ну и, конечно, всё остальное, и мирно ушёл. С тех пор и прозвали его Геллером.

– Дано сие поучение верному слуге нашему, Спесю сыну Федорову, – хорошо поставленным голосом озвучил начало Ивашка. Оглядел притихшую ватагу и продолжил:

– Повелеваю именоваться впредь Спесю Федоровичем и отзываться на фамилию Кудаглядов, поскольку плывет он, куда глаза глядят. И поскольку зарился он во все концы света великого, то пусть плывёт неведомо куда и откроет страну такую, Атлантиду! Когда же доплывёт он до земли сей, то в сношения с властями той земли вступает, будучи трезвым, поелику возможно чудо сие!

Волхв стал стремительно перекручивать свиток, но Спесь, уже Федорович, прикрикнул:

– Ты мне грамоту не крути, читай дальше!

– Батько, так ты же сам велел без выражений, – растерялся Ивашка.

– А-а-а, ну тогда да.

– Вот! Княгиня приписала! «И пусть привезёт мне платье заморское, по моде самой последней. Размер он знает!»

Заинтригованные лица немедленно воззрились на атамана, но тот быстро отвернулся и задумчиво уставился вдаль.

Великая река, не имевшая даже названия, да и зачем ей оно, раскинулась перед его взором. Это пусть речушки разные именами хвалятся, Амазонка там, Нил какой-то. А это – Река! Широка так, что берегов по весне не видно, глубока так, что только белуги и водяные знают как. А не горда, любого приветит по заслугам. Своего – так и водицей напоит, что слаще во всем свете нет, и рыбкой угостит. А коль торопится человек, так и поможет быстро добраться, ноги по буеракам не ломая. А чужого, если он задумал плохое... Ракам тоже нужно жить. И кормиться.

Подождав, пока лицо станет нормального бурячного цвета, атаман обернулся и сказал короткую, но ёмкую речь:

– Команда ясна и задачи понятны! И виден рубеж огне... Это не то! В общем, за работу, товарищи!

Все дружно выразили бурную радость и повалились досыпать. А что волноваться-то, по своей Реке идём, вывезет матушка!

Сказать, что это понравилось Спесю, значит погрешить против истины. От рёва оскорбленного в лучших чувствах атамана даже волны разгладились.

– Падъё-ё-ём!!!!

– Куда? – меланхолично поинтересовался прожевавший мясо Эйрик.

– Что куда? – медленно повернулся к нему Спесь Фёдорович.

– Куда пойдём?

– Кто куда!!! А ты в... – замялся капитан, подбирая слово. – О! В трюм!

– А зачем? – уже отвязанный скальд потянулся, сбрасывая с себя вервьё.

– Хочешь дальше? Послать могу, ибо я здесь первый после князя и слово моё – закон!

– Не надо дальше, я уже пошёл в трюм.

– Молодец! Вечером разрешу спеть, люблю, грешным делом, раками полакомиться. Так-с-с, а остальные... Всем заняться делом!

– Э-э-э, батько... А каким?

Спесь вновь начал злиться:

– Что я слышу?! Первый день на лодье, что ли? Сами найдёте! А то отправлю всех на клотик, компрессию искать!

Ивашка толкнул в бок Геллера:

– А что это? Или кто? «Клотик», «компрессия»...

– Не обращай внимания, – добродушно ответил богатырь, – мы столько времени по миру гуляем, разных слов нахваталось. Считай, что это как «бабай» для ребёнков.

Из-под палубы донесся дикий вопль, и пролетающий мимо гусь камнем рухнул в воду.

– Редкая птица долетит до середины Реки, – задумчиво отреагировал Спесь, но потом возмутился. – Сейчас ещё не вечер, а он уже запел!! Оказать утопающему первую помощь! А этого певуна достать пред мои очи! Я ему веслом рот заткну!!

Гусю кинули пустую баклажку, захочет спастись, сообразит, что с ней делать. А скальд уже вылез из люка, почему-то спиной вперёд, поминутно поминая Локи, Тора и прочих. За ним из темноты люка выползла какая-то штуковина, явно неживая. Запнувшись на выходе Эйрик шлепнулся на палубу и, не вставая, стремительно ретировался за враз сомкнувшийся строй. Попав на свет, штуковина засверкала полированной бронзой и оказалась в руках невысокого и худого мужика в когда-то белом одеянии. Странная одежда была вышита понизу какими-то узорами и притом оставляла одно плечо голым.

– Тю, я-то думал, – разочарованно протянул Спесь. – А этого знаю, грек какой-то. При дворе у князя видел. И что им дома не сидится, вечно хвастают, «в Греции всё есть», а сами по миру шландают.

Грек осторожно поставил свою штуковину на палубу и гордо заявил:

– Моя есмь механикус гений! Моя не говорит варвар! Толмач нужен!

Атаман прищурился на Ивашку, и тот горячо стал отпираться:

– Не знаю я греческого! Это я ещё не успел выучить!!

– Да я не об этом, – Спесь успокаивался быстро. – Ты в грамоте посмотри, что про него написано.

Волхв быстро развернул свиток и погрузился в изучение:

– А-а-а, вот оно, наверное. Но, батька, выражаться ты же не велишь!

– И правильно, мал ещё! Тем более что говорить матом в походе только я могу. Ну-ка дай-ка сюда. И пальцем покажи, где написано.

Ивашка торопливо передал свиток атаману и ткнул в нужную строчку.

– Астробл... – Спесь неосторожно прочитал вслух начало, но тут же замолчал. Потом дочитав абзац, покрутил головой. – Говорил я князюшке, что энти науки до добра никого не доводили. Такие словеса о хорошем не пишут!

– А с механикусом что делать будем? Как бы нам понять, что за механика у него, может, что-нибудь полезное.

– Эх, молодежь... Смотри и учись! Методика быстрого обучения языкам по методу Атамана.

Спесь Федорович повернулся к команде и величественно произнёс:

– Человек сей князем посланный, причём далеко. Так что относиться к нему с почтением и словес его странных не слышать. А то попутаем всё по скудоумию нашенскому, обида будет.

Геллер почесал в затылке и негромко спросил:

– Значится, и не кормить его?

– Цыть! – сделал грозный вид капитан. – А как ты поймёшь, что он хочет? Вот заговорит по-человечески, тогда и накормим.

Отвернувшись, чтобы спрятать улыбку, юный волхв проводил взглядом бодро плывущего к берегу гуся. Одним крылом тот обнял баклажку, вторым грёб и при этом ещё отбивался лапами от наглой рыбной мелочи. За его спиной фальцетом взревел грек:

– Моя всё понимай!! Моя кушать хочет, моя пить хочет! У моя голова жутко болит!

– Вот и хорошо. Без толмача обошлись. Всё тебе будет, только расскажи про свою хреновину, и названия её вслух не произноси!

Грек нагнулся и с кряхтением приподнял сверкающую штуковину:

– Это величие духа и гениальности моей. Это машина сама находит то место в море, где корабль сей в данный миг находится! Звезды указывают путь по гладкому морю, и даже среди бела дня можно глянуть и сказать, сколько куда плыть осталось.

Ватажники разочарованно переглянулись, и рыжий, как огонь, Лисовин озвучил всеобщее мнение:

– А зачем?

– Как зачем? – растерялся механикус.

– Зачем нам знать, сколько ещё плыть осталось? Всё равно, куда ни плыви, обязательно в берег уткнёшься. И обязательно ночью, и опять драться надо...

– Так это же... Надо знать! Всегда надо знать!

– Во многом знании много печали. А умножающие знания умножают... хм. А кто это нам наперерез гребёт? Механикус, спроси-ка у своей, ни в порядочном обществе будет сказано, машинерии.

– Моя не пифий!! Механикус не гадать, механикус – знать!

– Атаман, да ну эту железяку, – рассудительно ответил Геллер, отодвигаясь от брызжущего слюной грека. – Даже гуся понятно, вон как загребать начал, что это отморозки плывут.

– Рановато, вроде, – задумчиво протянул Спесь. – Они же только по осени в тёплые края собираются... А где наш скальд? Пусть посмотрит, можа, дружков увидит.

– Дядя, – потянул за рукав Володимира Ивашка. – А «отморозки» кто?

– Да нурги это, они про себя хвастают, что-де «викинги», а на самом-то деле истинные отморозки. У себя в Нурвегии совсем мозги отморозили зимой, потому что печки класть не умеют.

– Так вооружаться надо! – растерялся волхв. – Они же, чуть что, за топоры хватаются.

– Не мельтеши, – добродушно проворчал Геллер. – Всегда сначала они за баклажку с хмельным хватаются, а потом поют. И так поют, что ты первый за топор схватишься... А вообще, чего нам бояться, мы-то дома! Пускай недобрые гости бояться!

На носу, который Спесь упорно называл баком, спорили атаман и скальд:

– Да ни, батько, у того парус новый был, и рожа его на нём нарисована, а у этого совсем драный, и цвет непонятный...

– Ты лучше смотри, что у них за харя вырезана?

Эйрик прислонил ладонь козырьком ко лбу и стал напряженно всматриваться.

– А-а-а, затопчи его Слейпнир! Это же Норденскьельд! Совсем безбашенный.

– Что, драться будем? – заинтересовался Лисовин.

– Цыть! – грозно прикрикнул Спесь и, подумав, спросил: – А может, мы ему княжескую грамотку покажем? Что некогда нам пыль выбивать из их голов?

– Ата-а-аман, – укоризненно протянул Эйрик. – Зачем Норденскьельду твоя грамотка? Он же читать не умеет! И вообще, зачем драться? Я ему спою...

– Не будь таким жестоким, Эйрик! – вмешался Геллер, – Давайте их просто убьём.

– Посмотрим, посмотрим, – атаман впал в меланхолию и поэтому был благодушен. –

Пусть хоть до нас доплывут.

Драккар с вырезанным на форштевне, явно похмельным мастером, ликом страдающего зубной болью мужика с косичками, нацелился было в середину борта, но, после громко прозвучавшего Спесего «хмм», стал табанить веслами. Над мятыми и побитыми щитами показалась такая рожа, что оглянувшийся было гусь стал поднимать буруны, стремясь быстрее выбраться на берег. На голове личности был шлем только с одним рогом, когда-то заплетенные в косички усы и шевелюра напоминали измочаленные веревки, но апломба было ему не занимать:

– Выкуп давай! – заорал он, да так грозно, что один щит оторвался и булькнул в воду.

Из-за спины грозильщика раздался чей-то горестный вопль.

– Сегодня не подаю, лень, – миролюбиво ответил Спесь. – Куда бредёте, калики?

Свирепый разбойник растерянно оглянулся, почесал в затылке и с надеждой поинтересовался:

– А может, всё-таки откупитесь, а?

Спесь был очень спокоен и поэтому отвечал вежливо:

– А вот огородный овощ с острым вкусом вам по всей морде лица! И повторяю, для нургов специально: куда прёте?!

– И овощ давай!! И мы не прём, а в поход идём за золотом, жемчугами и рабами!! – обрадовался знакомым словам викинг. Из-за его спины прозвучали одобрительный рёв и чей-то писклявый голос: «И побольше, побольше-е-е!!»

Теперь голову почесал Спесь, потом предложил:

– Вона коса хорошая, давай на бережку погутарим. У нас товар, у вас купец. Сговоримся.

Оба кораблика хутко побежали к берегу, причём драккар явно отставал. На лодье атаман давал наставления:

– Сильно не бить, а то дружинники опять обидятся, что им никого не досталось. Эйрику молчать, а то лешие ругаться будут. В прошлый раз до самой зимы глухих степняков по лесу искали, совсем замучились. Механикусу свою шкандыбалку поставить на самое видное место, а не то кормить не стану!

– Дядько, – Ивашка по вновь обретенной привычке обратился к Геллеру, – а что, мы сегодня уже не поплывём боле?

– Так рассуди сам, отрок. Почитай цельный день плывём, совсем устали. Да ты не переживай, – добродушно хлопнул юношу по спине Геллер. – Вот в акиян выйдём, там и наплаваешься до одури.

Киль из мореного дуба врезался в прибрежный песок, и ладья прервала свой бег. Кормчего уважительно сняли с правила и бережно отнесли на берег, уложив в тенёчек. Ватажники бодро попрыгали в воду и с шутками-прибаутками стали вытаскивать на бережок котлы и казаны. Предстояли веселье, плотный обед и дружеская драка – не для истребления, а для забавы молодецкой. Только скальд был очень зол и общался со всеми сердитым мычанием. Рот его был плотно завязан. Рядышком наконец-то приткнулся драккар, и оттуда так пахло... Очумелая щука, величиной с хорошее полешко, выскочила из воды и, зажимая рот плавником, промчалась по берегу мимо Ивашки. Потом оттолкнулась хвостом и нырнула в прохладную свежесть воды. Проводив рыбку завистливым взглядом, волхв с трудом вздохнул и ринулся в ближний лесок за дровами. Выбравшиеся на берег нурги стали было вытягивать свой кораблик, но, будучи разлаяны Спесем, на удивление быстро всё поняли и полезли снова в реку, ниже по течению. Несмотря на воинственные крики, мылись они хорошо и долго. На берегу стоял Лисовин (прозванный так за ярко-рыжую копну волос, впрочем, аккуратно подстриженных под скобочку) задумчиво покручивая в руках мачту от ихнего плавсредства. Иногда пробегающий мимо Эйрик строил страшные рожи и хулительно мычал что-то злое. Потом Лисовин, удовлетворенный тем, что вода стала просто светло-серой, разрешил дрожащим нургам вылезти на песочек и даже милостливо позволил выкатить с драккара бочку. Но отобрал её сразу. Наконец-то все расселись у костра и получили по миске каши. Долго ещё подходили к котлу северяне за добавкой, пока не успокоились. В бочке было пиво, вернее, то, что они этим словом называли. Ивашка хлебнул разок, после чего долго отплевывался за кустами под добродушные смешки Геллера.

– пей водицу, отрок. В родной реке она слаще мёда, да и полезнее намного, чем этот эль, что на погибель себе нурги сварили.

А на берегу торговались Спесь и Норденсьельд. Оказывается, нурги плыли к теплым морям, как обычно наниматься на службу обленившимся ромеям. И сейчас Спесь впаривал им Механикуса, вернее, его машинерию, уверяя викинга, что без неё тот дальше ближайшего бочага не уплывёт!

– Да рассуди сам, конунг! Спросишь грека – и сразу поймёшь, куда плыть, да сколько ещё на вёслах ломаться. Совсем даром отдаю, серебром по весу отсыпешь, да и ладно! А грека-то, учти, совсем даром отдаю! Себе в убыток торгую, чего не сделаешь для хорошего человека!

Нург ворчал и не соглашался. Красиво машинка сверкала, но больно увесиста была. Спесь клялся всеми богами, каких мог вспомнить, избегая, впрочем, упоминать своих, что без такой штуковины ромей Норденсьельда на смех поднимут. А коль увидят чудо это, так сразу и зауважают, да и цену за наём повыше дадут. Викинг только рукой махнул при упоминании ромеев:

– Дурной народ, сами в войско не идут, боятся. Так что наймут, куда они денутся. Скинь маленько цену, небогатый я. Год уж больно плохой, грабить совсем некого.

– А чо так? – встревожился Спесь. – Мор, что ли, прошёл?

– Да нет, – помрачнел Норденсьельд. – Поумнели все как-то разом. Не ромей всё-таки, своих воев предпочли кормить, а не наемникам платить. Если бы и ромей это поняли, то осталось бы нам только в окяне новых дурней искать.

– Эх-х, рвёшь ты мне сердце! Так и быть, – махнул рукой атаман, – скину, из-за уважения, тебе две полушки. По рукам?

– По рукам! Скажи греку, што в самый раз домой его отвезём, только пушай не заблудится!

Уставший от новых впечатлений, дальнейшее Ивашка помнил плохо. В голове только и удержались отдельные выкрики:

– А счас я спую вису, как брали на копьё град сильномогучий...

Хрямс!

– Пошто не даешь славить всадников белопенных коней, токмо отвагой превозмогу...

Хрямс! Хрямс!

– Наших бьют!!

Бум-с-с!! Хрямс! Хрямс!

– А-а-а!! Бульк! Спасите-е-е меня, вода мокрая!!!

Солнышко весело играло с маленькими волнами, ласково поглаживая их по гребням. Лодья бежала вниз по Реке, уверенно управляемая спящим на руле кормчим Грицем. Путешествие продолжалось, и всё было впереди.

Миновали спокойные безмятежные деньки неторопливого сплава. Долго потом Ивашка вспоминал ласковый напев волн, тихие закаты, когда даже Спесь начинал говорить шепотом, чтобы не сбить величавость вечера. Всё чаще беспокоил юношу незнакомый, горьковатый и тревожный, запах. И когда над лодьей пронеслась чайка, волхв понял: скоро будет море. В тот день Кудаглядов распорядился стать на днёвку. В последний раз (все ватажники говорили «в крайний») осмотрели своё судно. Поохотились, чтобы запастись свежиной, порыбачили. Эйрик наконец-то спел, раков было много.

Глава третья

Раскинулось море широко...

А на следующее утро Ивашка был потрясен. Он, по обыкновению, стоял у борта и всматривался в серебристую бескрайность воды, когда вдруг услышал, как потрескивают доски палубы. Не успев обернуться, он чуть не согнулся под тяжестью легшей на плечо руки.

– Пошто пригорюнился, отрок? – добродушный бас заставил встрепенуться каждую клеточку, такая в нём была силища. Так мог говорить вековой дуб, коли пришла бы ему такая блажь в сердцевину. С трудом повернув голову, парень встретился глазами с внимательным и слегка насмешливым взглядом.

– Ну что ты на меня глядишь, як на цуд, – уже открыто усмехнулся Гриць. – Умею я говорить и ходить сам могу. И на правиле не только сплю...

– Так, дядько... – растерялся Ивашка, – я ж ничего плохого-то и не думал...

– Знаю, – просто ответил кормчий, смотря мимо парнишки, куда-то вдаль. – Только ты у нас новенький и про сусаниных ещё не слышал.

– Нет, про таких ещё ничего не учил. Волхв-то наш больно строг. «Всему своё время, и есть каждой вещи своё место под солнцем».

– Мудр, ох и мудр муж сей. Но пришла пора узнать тебе, отрок, про древних людей, кои сусанины зовутся. Прадед мой был Сусанин, и не просто так, а с большой буквы! Каждую тропку знал во всем мире, в море-акияне с любой волной здоровкался. А вот я уже обмельчал... По Реке пройду, глаз не открывая, а в море уже пригляд нужен. Эх, мельчаем мы, брат, умения теряем, знания... Князь старается, конечно, но как резами записать то, что с молоком матери впитывать надо? Думай, паря, думай. На младых только и надеемся, что не растеряете вы наших умений, не променяете их на цапки блестящие. Не смотри на греков, отдали они всё за знания сухие, и путь этот ведёт к потере радости и любви. Эх-х-х, пойду ещё подремлю, скоро море.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Прошёл ещё день, и вот наконец-то в лицо Ивашки ударил ветер, незнакомый волнующий. Шаловливая волна плеснула в лицо влагой, и, облизнув губы, юноша изумленно прошептал:

– Горькая...

Стоящий рядом атаман только усмехнулся, а Геллер недовольно пробасил:

– Не горькая... Солёная она. И в крови у нас такая же плещется, вот поэтому и не сидится у печки.

– Сидится, – вздохнул Спесь. – Только недолго...

Неожиданно с правой стороны донесся какой-то звук. Кудаглядов прислушался, и Ивашка с изумлением увидел, что атаман перепуган.

– Все под палубу!!! – грозный рык перекрыл плеск волн, и ватажники привычно посыпались в открытый люк.

– Эт правильно, – пророкотал с кормы Гриць – Совсем с глузды⁵ сошли, звезды блудячие...⁶

А атаман распорядился дальше:

– Эйрик! Глаза завяжи, а то, как в прошлый раз, рот раззявишь и петь забудешь! На тебя только и надежда...

Спускаясь в трюм, волхв всё-таки спросил у своего наставника:

– А чо? Ворог так страшен, что и биться нельзя?

⁵ С ума сошли (белор.)

⁶ Кометы, блуждающие звезды (старорус.)

Геллер недовольно проворчал, закрывая люк и прочно усаживаясь на лесенке:

– Да какой там враг? Попрошайки прибрежные, русалками зовутся. «Ай, коханный, дай погадаю. И ждёт тебя земля близкая, на глубине три сажени, прямо здесь, коли не позолотишь ручку...» А визжат так, что сам за борт прыгнешь, лишь бы не слышать. А сами без одежды, в одних ракушках, тьфу, смотреть противно.

Впрочем, последние слова, звучали неубедительно, поэтому Володимир сделал грозное лицо и прикрикнул:

– Вона вервь лежит, в уши воткни, а то услышишь, как Эйрик петь будет.

Эта угроза была реальна, так что парень охотно подчинился. И как ни хотелось ему увидеть таинственную нежить, но пришлось всё приключение просидеть под палубой. Лодья раскачивалась, и даже сквозь затычки доносился разноголосый писклявый крик. Потом заныли зубы, это взял верхнюю ногу скальд, и всё успокоилось. Геллер передернул плечами, будто стряхивая кошмар, и, приподнявшись, открыл люк:

– Выходь братия. Эйрик уже спел.

На палубу первым выскочил любопытный волхв, но, к его разочарованию, на палубе были только атаман и скальд, сидевшие у открытого бочонка. Ну и, конечно, Гриць-сусанин, казалось, вросший в лодью. Увидев Ивашку, Спесь обрадовался и поманил его к себе:

– Вот ты грамоту разумеешь, отрок!

– Конечно, разумею, – удивился волхв, украдкой оглядываясь. Ничего не было видно, только вдалеке белел клочок пены, впрочем, стремительно удаляющийся.

– Вот и хорошо! Будешь писать свиток о наших скитаниях. И чтоб писал только то, что видел! «Что наблюдаю, то и пишу», – закон у нас такой! Например, увидел пьяного морского змея, так и запиши, что, мол, «змеюга отвратная смрадом дышала и закусь требовала»!

– Атаман, – шепотом поинтересовался юноша, – А коли змей трезвый, что писать-то?

– Где-е-е?! – Спесь мгновенно обернулся и несколько мигнов рассматривал высунувшеюся из воды огромную голову на длинной шее. – А-а-а, это... Вот и запиши: «видели морскую змею, мужика своего шукающую. Проплыли мимо, проявив вежество».

– Спесь Федорович, а как ты их различаешь? – вежливо спросил самописец, разыскивая стило.

– Просто, – отмахнулся атаман, поворачиваясь к бочонку. – Раз трезвая – значит, баба!

Вскоре вокруг юноши, устроившегося возле мачты с письменными принадлежностями, собралась почти вся ватага. И слушали все, затаив дыхание, как пишется История! Не та, что греческая вертихвостка, а самая настоящая.

«В лето тридцатое, что от восшествия князя-батюшки на престол славных предков, с позволения его, и по наказу его же, Атаман Спесь Федорович со товарищами вышел в море-Акиян великое, чтоб славу попытать, и земли новые под руку князя привести...»

– А зачем нашему князюшке земли новые? – искренне удивился Лисовин. – Со своими бы справиться.

– Так положено писать, – смутился Ивашка. – Сие – традиция!

– А-а-а, – уважительно протянул дружинник. – Это да.

«И были на ладье тридцать и ещё три воина великих, мужа сильномогучих, что ни в сече, ни в гульбе никому спуску не дадут, и не помрачат славы земли нашей пред народами чужими, и землями ненашенскими».

– А что, земель тоже надо стесняться? – удивился незаметно подошедший невысокий человек с выбрантой головой, на которой змеился длинный черный чуб.

– А как же, – степенно отозвался Лисовин. – Она хоть и не наша пока, но все-таки матушка. Ты, хлопец, читай дальше.

«И пошли ватажники по Реке Великой, что несла свои воды из ниоткуда в море-Акиян...»

– Так уж и «из ниоткуда»? – усомнился кто-то из собравшейся вокруг команды.

– Михайло! – возмущенно повысил голос Геллер. – Ты же с нами ходил к истоку, чего же спрашиваешь, сам должен помнить.

– Вот и спрашиваю, – замялся вытолкнутый вперед человек, – Поэтому и спрашиваю, что ничего не помню.

– Не помнишь? – удивился Спесь Федорович. – Ты что? А как тебя хотели у тех людей оставить, потому что на священного зверя медведя похож, тоже не помнишь?

– Так поэтому и не помню, наливали-то мне поболее, чем всей дружине, – совсем смутился Михайло, который и по комплекции и по шерстистости действительно напоминал добродушного сытого медведя.

– Да ты не расстраивайся, – похлопал его по плечу казак. – Никто ничего не помнит.

«И попались на пути богатырям нурги нечистые, и громко лаялися они, вызывая на бой неправедный. Ибо не может быть бой праведный, коли кличут на него ради грабежу и разорения. И крепко разгневались воины наши на задир сих, и с помощью слова увещающего да рук крепких, разъяснили заблуждающимся путь их дальнейший, а заодно и познакомили с богиней греческой земли, что Гигиеной зовется. Прониклись нурги сии почтением к чуждой им богине и, смиренные, продолжили свой путь неведомый. А дружина наша продолжила путь свой славный, и в Акиян седой вышла, врагам на унижение, друзьям на помощь. Хоть и радеяло племя нечестливое заборонить нам дорогу, но рассеялись вороги те, лишь слышав голос скальда громкоголосого. Ибо нет преграды ватажникам нашим, что поспешают волю пославшего их исполнить».

Тут все снова оживились, и советы посыпались такие, что молодой волхв поминутно то краснел, то бледнел, пока вновь не вмешался Геллер:

– А ну цыть, охальники! Неча парня с толку сбивать, атаман сказал, чтобы писал только то, что видел.

– Да что ты, Володимир, шо мы-то? Коли не убачил сам, пушай спросит, – примиряюще поднял руки Непейвода.

Очередной спор разгорелся вокруг морского змея. Даже Лисовин и Геллер согласились, что нету змиев, есть только аспиды, ну, в море могут быть и левифаны. Но тут веское слово сказал скальд. Был он добродушен, но говорил уверенно:

– Эт вы бросьте! Какие-такие аспиды в море-акияне? Все аспиды только по суше и ходят, а в воде тонут они, не успев даже «мяу» сказать.

Лисовин принялся к кружке, в которой плескалась причина добродушия, завистливо вздохнул, но всё-таки возразил:

– Да какие на суше аспиды, мелочь одна. А вот в море глянешь – и сразу скажешь, что аспид вылитый. Да и не ходят аспиды, ног-то у них нету!

Бережно поставив кружку рядом с собой, Эйрик откинулся спиной на доски борта и глубоко вздохнул:

– Ногов, говоришь, нема? Ну-ну. А вот как-то пошёл я на Кудыкино болото, надо было мне тростника срезать. Не успел до камыша дойти, а оттуда... Вываливается аспид, да не аспид, а прямо-таки аспидыще, и давай на меня шипеть! Я сразу же ноги в руки и подальше! А он не отстаёт! Я бегом, и слышу, как он ножищами сзади топает! Вот-вот догонит...

– Так спел бы ему, – робко посоветовал Ивашка.

– Ах, вьюнош, – выдохнул скальд после доброго глотка, – Я бы с радостью, но новую вису я только складывал, а петь старые... Даже аспиду нельзя, ибо моветон станется. Ну, отступил я на заранее подготовленные позиции, иду себе дальше, у Локи мёд вымаливаю, и тут – бац! А передо мной аспид...

– Обогнал что ли? – ахнул кто-то из восторженных слушателей.

– Не-а, другой. Но тоже аспидыстый такой, дальше некуда. И говорит он мне человеческим голосом...

– Хм-м-м, – негромко протянул Геллер, но скальд услышал и быстро исправился:

– То есть, нечеловеческим голосом: «Куды прёшь, мил человек? Всю картоплю истоптал, зверь ты арапский!» И вытягивает из-за спины дубину, сучковатую-сучковатую.

От смеха Непейвода сел на палубу и, всхлипывая, произнёс:

– Так вот за что тебя дядько Панас по улице гнал!

– И никакой он не дядька! Аспид самый натуральный. Понасадили своих картоплей, честному человеку и пройти негде.

Эйрик попытался выжать из кружки пару капель, обиделся и никак не ответил на замечание Лисовина, пытающегося вернуться к началу рассказа:

– Насчет Локи не знаю, но что возле того болота Ведмедь-бортник свои колоды поставил, это я слышал...

– Так что писать, паны коханы? – взмолился Ивашка. – Кого я всё-таки видел? Змея, аспида или Левифана?

– Кого видел, того и пиши! – веско припечатал Гриць и, чем-то встревоженный, повысил голос: – А ну тихо! Слухать буду.

Тут же на лодью упала тишина, стих даже свист ветра в веревках, которые все почему-то назвали снастями. Казалось, даже волны уже не задорно плескались о борт, а на цыпочках подбегали, чмокали и, пристыженные холодностью дерева, опадали. И белые птицы спустились ниже, прямо к волнам, будто заинтересовались причиной молчания.

– Буря будет, – помрачнел сусанин. – Хоть краткая, но сильная. Вона какие облака растрепаные, как коты по весне.

Спесь тоже нахмурился, но с надеждой спросил:

– Может быть, погребём, уйдём с пути, пусть без нас тут веселятся.

– Не успеем, давай, атаман парус спускать да и крепить всё. Авось пронесёт, не в первый же раз.

Тут из-под кормы донесся такой разухабистый, развеселый свист, что все вздрогнули. А Гриць широко и радостно улыбнулся.

– Знамо, переживём! Вот и звери наши подоспели. Спесь Федорович, уважь ребятушек, вели рыбки им дать. Речная им по нраву.

Но Кудаглядова не надо было убеждать, похоже, он и сам был рад. Кормчий подошёл к борту и низко-низко поклонился:

– Ой, спасибо, звери морские. Не оставьте нас во время лихое и примите угощение скромное в знак почтения к службе вашей вечной.

«Пиши, что видишь!» – вспомнил Ивашка и кинулся к борту. Не успел он наклониться, как напрямик в лицо чуть не уткнулась хохочущая рыба. Весело прочирикав что-то на своём языке, она ловко схватила севрюжку и, блеснув черной лоснящейся шкурой, скрылась в воде. На её месте возникла новая радостная физиономия. Волхв понаблюдал за весёлой толкотней и, невольно улыбаясь, отошёл к Геллеру, сосредоточенно мотающему бечеву вокруг двух деревьев, связывая их.

– Дядька, а почему «зверь»? На вид рыба рыбой, только чешуи нет.

– Ну-ка придержи вот тут... Хорошо, – Володимир затянул узел и строго сказал: – Ты их рыбой не обзывай, обидеться могут. Звери это, потому что воздухом дышат, как и мы. А рыбы в воде невылазно и рот открыть боится. А спасатели...

Геллер подтянул к себе ещё пару каких-то досок и верёвку, потом продолжил:

– Когда люд человеческий в море-то выплыл, боги забеспокоились. Ну разве можно чад своих другим божкам доверять? Посейдонам разным? Те своих-то не любят, а тут совсем другой народ. А рук-то не хватает. Вот и попросил Велес зверей своих в море пойти да за людьми

присмотреть. Многие отказались, выдра, вон, только на реку и согласилась. Бобер тоже было сунулся, но не решился от берега далеко отойти. А звери, неведомые нам тогда, пошли и взяли на себя труд тяжкий, но нужный. Ибо нет для мужчины, человека ли, зверя ли, доли иной. Спасать и защищать – вот доля наша. Давай, сродственник названный, помогай, потому что на зверя надейся, а сам не плошай!

Уйти под палубу, в духоту и неизвестность, Ивашка отказался категорически. «Как же я буду писать, если не увижу ничего», и Спесь согласился. Малая команда споро поместила его на место Эйрика и замерла по местам. Успели в аккурат, потому что волны уже надели белые папахи и ринулись на лодью, как запомнившиеся волхву горцы на трактир. Так же гневно они толкались в округлые бока, как в запертую дверь. И бурно выражались на неведомом языке. Только вот не было сейчас на них десятка княжеской стражи. Впрочем, строили в княжестве всегда не за страх, а за совесть. Лодья, или, правильнее, ладья, что от слова «ладная», ладно переваливалась через водяные бугры. Злой ветер вконец растрепал тучи, и по небу неслись лишь обрывки, длинные как хвосты у лис, что удирают от охотников. Время от времени от рулевого правила звучал глухой рык сусанина и ватажники споро что-то делали. «Не забыть потом спросить, что они творят», – успел подумать Ивашка перед тем, как подкравшийся вал залепил ему лицо мокрой и холодной пеной. Чувство тревоги исчезло так же быстро, как и возникло, потому что над волнами сверкнула Перунова зарница, и в свете её волхв увидел чёрные спины спасателей, что по-прежнему весело прыгали вокруг ладьи. «Людам беда, а они хохочут», – подумал парень, но тут же устыдился несправедливой мысли. «Простите меня, звери морские. Не со зла, а со скудоумия подумал я», – мысленно взмолился он. Боги услышат и, коли захотят, то расскажут служителям своим. Ведь слушал же Ивашка рассказы воев, что на смертный бой без надежды витязь всегда выходит, дерзко хохоча Морее в её морду, чтобы не подумала кромешница, что он испугался. «Интересно... – заползла в голову спокойная мысль. – А почему слова «море» и «Морея» так похожи?» И тут всё кончилось. Повинуясь ласковой, но твёрдой руке Гриция, ладья скользнула между сердитых валов и выкатилась на залитое солнцем пространство. С неба улыбался Ярило, радуясь за людей своих, а белошапочные волны смирились перед крепостью ладьи и вновь стали ласково мурлыкать.

– Кажись, пронесло, – облегченно вздохнул Белый, хоть и молодой, чуть старше волхва, но уже седой дружинник, утирая с лица пот вперемешку с соленой водой.

– Порты сам стирать будешь, – ухмыльнулся Спесь.

– Тьфу!! Сколько можно, атаман?!! За такую волюну скальдов даже у нургов бьют, – обиделся дружинник.

– Ну, извини, не удержался, – попросил прощения Кудаглядов и продолжил: – Белый, вынеси кадку на палубу, надо же зверей поблагодарить, что не оставили без присмотра. Да и кликни всех, будем думу думать.

На палубе стали рассаживаться успокоившиеся после бури люди, и даже Спесь не сказал никому ни слова. Отвязанный от мачты Ивашка быстро писал, стараясь ничего не перепутать из своих воспоминаний, при этом прислушиваясь к вялому спору.

– Куда править-то, пане-братия? – спросил сусанин.

– А куда правишь? – поинтересовался Геллер.

– Хм-м-м, прямо.

– Вот так и правь. Куда-нибудь придём, – вальяжно скомандовал Спесь, поудобнее устраиваясь на нагретых досках.

– Так пыва-то совсем мало осталось, – сожалеючи протянул Эйрик и, вдруг спохватившись, воскликнул: – О-о-о!! Зверей-то отблагодарили, а божествам морским совсем ничего?

– А кому именно?

Эйрик растерялся – на море кто только не правил, и все божества не славянские, чужие. Не плескать же за борт доброе пиво морским девам? Лучше самим выпить.

– Так... – подвёл итог атаман. – С этим разобрались. Теперь вторая дума – где искать ту самую Атлантиду?

– Ни-и-и... – донеслось от руля, – Шукать не нашенское дело, а то найдём, как обычно, приключений на одно место. Коли энтой Атлантиде надо, сама найдётся.

– Ну и хорошо. – Федорович был спокоен, пережитая тревога схлынула, оставив только негу и усталость. – Значит, плывём...

– Ни в коем разе!! «Идём», атаман, только «идём»! – возмутился сусанин.

– Ну, хай идём... Куда-нибудь и придём...

– Опять кого-то встречь несёт!

Крик дозорного, остроглазого Рыся, никого не взволновал. Ну, плывёт, ну и пусть навстречу. Всё-таки, кряхтя, Спесь Федорович поднялся с палубы и пошёл на нос ладьи. Порядок должен быть!

– А вот этот точно плывёт. Только где? Ничо не вижу.

– Так вон, атаман. – Рысь ткнул пальцем куда-то на правую руку. – Там на брёвнах, корячится.

Кудаглядов приложил руку ко лбу, присмотрелся, и в сердцах сплюнул за борт:

– И чего этим грекам дома не сидится?! Когда же эта одиссея кончится?!!

Всматривающийся в еле различимую точку среди волн, Ивашка смущенно прошептал:

– А как он здесь оказался? Мы же его ещё на Реке, нургам про... подсадили.

Кудаглядов посмотрел себе под руку и, встретившись взглядом с доверчивыми глазами волхва, ругаться не стал.

– Это не тот, это наш старый знакомый. Говорит, что царь какого-то острова. А по мне так – бродяга. Постоянно в морях-акиянах попадает. И вообще... – он повысил голос. – Больше ему не наливать, а то опять мимо своего царства прошкандыбает! Гриць!!!

– Шо? – спокойно поинтересовался кормчий.

– Ты зачем один глаз зажмурил при последней встрече с этим проплыванцем? Он потом при встрече с аэдом таких страхов понапридумывал. Князю свиток прислали, так потом меня в людоедстве обвиняли.

– Да не может быть!! – поразился Белый. – Чтоб князь-солнышко на такую брехню повёлся?!! Ни за что не поверю!

– Я не говорю, что князь поверил, – нахмурился атаман, – Другие-то поверили! А князю обидно.

– А-а-а, другие... – облегченно вздохнул Белый, засучивая рукава. – Ну так, значит, приплыл грек, будет ему счас и Итака, и Пенелопа... И молоко с солёным огурцом.

– Не смей! – грозно прикрикнул атаман. – Геноцид греческого населения – это не наш метод!

– А человека, пусть даже и грека, без похмелки оставить, как в прошлый раз, – это что не геноцид, что ли? – обиженно возразил ватажник, но рукава закатывать перестал.

– Нечо сравнивать! Это дело житейское, – сурово ответил Спесь Федорович и уже тише добавил: – И он так не считает, вон как гребёт. Обрадовался, поди.

– Молоко – это хорошо, – мечтательно произнёс Геллер, – Когда мы его попьём-то?

– А что так? – очень удивился юноша. – Пристанем к берегу и напьёмся власть.

– Эх-х-х... – огорчённо махнул рукой Володимир, но потом снизошёл к недоумевающему Ивашке и объяснил: – Всё дело не иначе как в проклятье. Как сойдёшь на незнакомый берег, так вечно попадается молочко из-под бешеной коровки. Настоящее молоко можно испить только дома.

Тем временем странная конструкция из нескольких брёвен закачалась на волнах возле высокого борта. Перегнувшись, Спесь радостно заорал:

– Привет, Одиссей! Что-то ты совсем исхудал, опять к Цирке занесло, что ли?

– Хайре, атаман! Куда идёте?

– А как обычно! – Кудаглядыв выдернул за руку высокого, загорелого до черноты, мужика. Из одежды на нём была только повязка вокруг чресл, но из пурпурной ткани.

– То есть куда глаза глядят? – уточнил грек, цепко оглядываясь. – Привет честной компании!

– Привет, привет... – хмуро буркнул Белый и сердито добавил: – Ты что это на нас напраслину возводишь?

– Какую-такую напраслину? – искренне изумился царь.

– Э-э-э, хлопче, – повернулся к Ивашке атаман. – Принеси-ка свиток из сундучка, он чёрной ниткой связан.

Оказывается, мотаясь по свету, грек время даром не терял и читать выучился почти на всех языках. Так что, развернув свиток, он долго вчитывался в написанное, потом аккуратно вернул бересту волхву и стал говорить. Говорил он долго и энергично, но, к сожалению парня, на незнакомых языках. В особо ярких всплесках ватажники уважительно кивали и переглядывались. Закончил свою речь царь на родном для юноши языке:

– Прав был великий мудрец, когда сказал: «Не стоит подходить к чужим столам и угощаться, если наливают!» Я же этому писаке всю правду рассказал, а он...

– Да брось ты, – утешил его Лисовин. – Встретишь – испортишь ему репутацию вместе с мордой. Ты лучше расскажи, что это за место и какие здесь берега.

– Берега как берега, – хмуро отвечал Одиссей, но испил поданный ему ковшик и подобрел: – Арапы здесь живут, человеческой речи совсем не знают, лопочут что-то по своему, но белых людей очень уважают. Пиво сразу принесли, я даже слова не успел сказать.

– Может быть, мы уже здесь были? – переглянулись атаман и подошедший кормчий.

– Не-а, – отверг идею царь Итаки. – Зубы у всех на месте, пивоварни, что из бревен сложена, ни у кого нет. А вашу народную забаву не только я знаю. Вон, в Египте народ до сих пор боится у моря селиться.

– В каком ещё Египте? – очень удивился Кудаглядыв.

– Ну там, где ваша ватага подрядилась дом ихнему правителю построить. А построили гробницу.

– Так откуда же мы знали, что у него такое здоровье плохое? – искренне возмутился атаман. – Ну, завалили немного стены, с кем не бывает. Особенно с просяного пива, что, на беду себе, они придумали. Нашу-то варню надо, как положено, из бревен неохватных строить, а не из ихних пальмов. А он увидел – и сразу брык и не дышит. Зато какой дом получился, ни у кого такого не было!

– И не будет! – уверенно отрезал Одиссей. – Они теперь так только гробницы строят.

– А те хитрованы дошли хоть? – поинтересовался Гриць, поминутно оглядываясь на правило.

– Это те, которым ты короткую дорогу до дома показал? – прищурился царь и, не дожидаясь ответа, закончил: – Нет, конечно. Сорок лет ещё не прошло.

– Заплатили бы, как договаривались, давно на родине были, – сурово отрезал сусанин и, хлопнув Одиссея по плечу, вернулся на свой пост.

– Так ты... это... – смущенно произнёс Спесь. – Можя, с нами дальше пойдёшь? Не надоело ещё болтаться?

– Не могу, друг, – сокрушенно вздохнул мореплаватель. – Домой надо, пора и на берег, возраст уже...

На прощание царю Итаки щедро налили пресной воды, снабдили продуктами и впредь посоветовали бить каждого со стилем в руке, не дожидаясь, пока этот грамотей гадость какую накорябает из-за шибкой своей образованщины. Перехватив его заинтересованный взгляд на Ивашку, Спесь нахмурился, и проворчал:

– Этот – наш!

Одиссей пожал плечами и легко спрыгнул на свой плот:

– Когда попадете в Итаку, заходите, рад буду!

– А ты, если к нам попадешь, князю передай, что выполняем мы его поручение!

На том расстались, и вновь ладья закачалась на волнах, торя путь в неведомое.

Ивашка сидел, прислонясь к мачте, и смотрел бесцельно вдаль. Развёрнутый свиток лежал на коленях, стилус был зажат в руке, но ни одного нового слова в быличке не появилось. Геллер посмотрел на свиток, проследил направление взгляда, пожал плечами и негромко спросил:

– Что случилось?

Парень поднял глаза, и неожиданно признался:

– Не знаю, о чём писать. Я же про Одиссея читал. Говорилось, что жил он давным-давно и вообще мифическая личность. А тут воочию увидел, и...

– И? – заинтересовался Володимир.

– Скажи ему, что он – выдумка, так, чего доброго, и в глаз получишь.

– Не, сразу не получишь, – дружинник присел рядом. – Этот Улисс сначала подумает. Хитрый он. И умный.

– Это я понял и писать про него, конечно, буду, видел же. Но всё равно не пойму, как мы с ним встретились и почему он до сих пор на свой островок не попал? Там же море такое маленькое, на чертеже земли нашей.

– Мы в океане, – меланхолично произнёс Геллер и, взглянув на волхва, продолжил: – Здесь не правят боги времени, не любят их морские божества. Ты не переживай, если повезет, мы ещё и Синдбада встретим.

– Как это, времени нет? – удивился юноша. – Мой пестун всегда говорил, что времени подвластно всё и все.

– Как тебе объяснить-то? – задумался ватажник. – Ты скажи, что твой учитель про богов говорил и про людей?

– Как что? Да то, чего всем известно. Тайн никаких нет. Боги наши нас сотворили, уму-разуму научили и отравили жить-поживать. От нас им почёт и уважение, от них нам забота и присмотр.

– Умён твой пестун, ох, умён. А скажи, коли тебе тяжело придётся, ты в храм побежишь?

– Зачем? – поразился такому вопросу Ивашка. – К умным людям пойду за советом, сам думать буду. Люди уже не маленькие дети, чтобы к тятке по всем пустякам бегать. Сами должны со своими тягостями справляться. Негоже богов нашими делами нагружать.

– Это ты прав, – легко согласился Геллер, посмотрел на море и задумчиво продолжил: – А вот боги у нашего друга до сих пор ведут себя, как дети малые. Сильные, много умеющие, но жестокие дети. Всё лезут и лезут в дела людей, так и держат греков вместо игрушек. Вот и царь наш знакомый обидел кого-то из богов своих. А другие божки за него заступились, убить сразу не позволили. Попал Одиссей в их свару, так и мечется по морю-акияну, всё мечтает домой попасть. Бедняга.

– Так как же так? – прошептал парень. – За что мука такая? И глупая жестокость, нечеловеческая прямо.

– Так то ж боги. Не понять нам их дел.

– Я понимаю, что это не наши боги. У наших богов есть свои дела, которых я постичь не в силах. Но это просто от незнания, жизнь у нас разная. Но такой идиотской жестокости наши боги себе позволить не могут. Глупость какая-то...

– А ты у волхва про божеские дела спрашивал?

– Спрашивал, – усмехнулся воспоминаниям юноша и невольно потрогал правое ухо. – Словил «леща» и задание получил: понять Машку, старшую дочь ковальскую.

– Суров, ох суров пестун твой, – покачал головой Геллер.

– Да добрейший человек, даже когда трезвый. Он же не сильно стукнул.

– Я не о затрещине, – отмахнулся дружинник. – А о задании. Суров, но умён! Ведь коли сможешь ты женщину понять, то дела божественные для тебя яснее света будут.

Спесь Федорович тем временем успокоился близостью арапских берегов. Поговорив с Грицем, приказал подобрать парус и, позвав Рыся, принародно поклонился в пояс.

– Уважь опчество, остроглазый наш. Посиди ночью, побачь, чтобы в берег не уткнулись. Да и народ подбери себе в помощники.

Немного заважничав от чести такой, Рысь, тем не менее, ломаться не стал и сразу согласился. Подобрал себе самых глазастых и отправился отдыхать под палубу. А Ивашка отправился искать своего «дядьку».

– Дядя Володимир, скажи-ка, неужто арапы такие воины сильные, что только при свете дня с ними встречаться можно?

Для начала Геллер похлопал рукой по доскам, приглашая садиться, потом сунул в руки парня веревку, показал, как надо её править и, только убедившись, что ученик понял урок, ответил:

– Нет, супротив наших арап не выстоит. Да и никто не устоит, в честном-то бою. Только вот ночью с арапами биться нельзя. Почему? А ты арапа, или, как они сами себя называют, негра видел? Вот то-то же. Ночью его не видно. Только глаза блестят и зубы белеют. Ну и представь: махнул я кулаком, попал... И всё, глаза заплыли, зубов уже нет. И куда второй раз махать? Никого же не видно. А народ дюже обидчивый, сразу за железо хватаются. Так что лучше с ними при свете солнышка встречаться, они тогда хорошо видны.

– А зачем драться-то? – поинтересовался волхв, ловко сплетая расхлеставшееся вервьё.

Володимир отложил канат в сторону, задумчиво посмотрел на море, почесал в затылке и неохотно сказал:

– А в самом деле, зачем? Не знаю, но иначе никогда и нигде не получается. Да и не со зла всё это. Удадь молодецкую показываем. Сам-то зимой на кулачки ходишь?

– А как же! – слегка обиделся Ивашка. – В честном споре и других посмотришь, и себя можно показать.

– Ну, знамо дело, – улыбнулся Геллер. – Девушки-то внимательно глядят. Да и синяки лучше всего поцелуями сводятся.

Не поднимая глаз от особо растрепанного вервьё, Ивашка почувствовал, как на ланитах выступает предательский румянец. Но дядька только усмехнулся и раздумчиво сказал:

– Долго я думал, почему у нашего народа силы много. И понял! В хлебе нашем причина да в печах, что научили нас боги делать. Походили мы по морю-акияну богато, посмотрели... Нетушки у других народов хлебушка нашего ржаного, и печей-матушек тоже нет. Вон, нурги костры в домах жгут, галлы понапридумывали каминов каких-то. Другие тоже изгаляются, как могут. А вместо хлеба чего только не используют! Лепешки из чего только не пекут! А поставить тесто, погодить, да потом в печь его, истопленную по правде... Эх, лепота.

– Так что же, не наши совсем глупые?

– Нет, сынок. Есть, конечно, глупые люди, но народов таких не бывает. Просто у иных земля не такая или жарко слишком. А то и терпения не хватает, или ещё чего. Ведь есть у нас и ещё одна тайна. Любого примем к себе как родного. Будь человеком, уважай и соблюдай наши обычаи и станешь нашим, если не по крови, так по духу. Вот поверь моему слову, ежели всегда обычай этот соблюдать, то велика и сильна будет держава. Потому что сила наша в правде. Всё, на сегодня хватит, пойдём Лисовину подмогнём. Обед-то приготовить надо.

Ночь прошла тихо и безмятежно. Со спущенным парусом ладья дрейфовала недалеко от берега, но, кроме криков зверей, ничто не нарушало покоя команды. Да и Рысь со товарищи зорко следил.

Глава четвертая В Греции всё есть

Зато утром всё было торжественно. Вышедший на палубу Спесь Федорович был немногословен и величав. На красном парусе радостно улыбалось солнце золотое, и небесное светило смягчило свой жар, завидев такой почёт. Лучшие одежды надели ватажники и оставили на борту даже ножи. Не к врагам идём, неча железом бряцать. Журчала вода, охотно освобождая дорогу крепкому бруссу лады, твёрдо держал правило сусанин.

Но незнаком был берег, и хмуρο косились на приближающуюся ладью серые скалы, на которых в беспорядке громоздились такие же серые домики. Споткнулся на ровной палубе Кудаглядов и, вознеся десницу свою к усмехающемуся солнцу, гневно спросил:

– Куда ты завёл нас, сусанин-герой?!

И хор спросил следом, потрясая различными предметами:

– Куда-а-а?!!

Но хмурился кормчий, молчал и только скептически разглядывал раскинувшийся пейзаж.

– Ты не отмалчивайся! – возмутился Спесь и решительно направился на корму, но потом остановился и вновь повысил голос: – А ты, Рысь, куда смотрел?

– Дык это, – смущенно мял в руке шапку востроглазый Рысь, – туман ночью пал, совсем не по погоде, и дык это...

– Ни слова о Дыке! Опять не попали к другу!! Да что это творится! – в сердцах Спесь Федорович с размаху кинул шапку на палубу и даже хотел было попрыгать на ней. Но природная бережливость все-таки взяла верх и, сердито кряхтя, Кудаглядов нагнулся за дорогой вещью.

Сусанин перестал морщиться и подал голос:

– Греция это, атаман. Та самая Греция, в которой всё есть.

– А нас тут как раз и не хватало, – совсем закрутил атаман, но потом вздохнул и, отряхнув мех на оторочке шапки, вновь водрузил её на голову. – Ну, раз так, пойдём на ихнюю гору, послушаем, о чём речь ведут здешние греки.

– На агору, батько, – осторожно поправил его Геллер.

– А-а-а, всё равно в гору тащиться. Слушай, Лисовин, отруби там от бруска, – Спесь Федорович задумчиво посмотрел на свою ладонь и показал на ней чуть длиннее большого пальца. – Вот столько.

– А не много им будет? – поинтересовался рыжий.

– Нам? Нет. А им... – атаман вновь скептически посмотрел на уже приблизившуюся гавань. – А им хватит того, что мы дадим. Добавки просить никто не будет!

Брошенную на берег веревку охотно схватил какой-то худющий грек в пыльном, драном хитоне. Но не стал наматывать её на торчащий из мостовой камень, а вытянул правую руку ладонью вверх. Народ недоуменно переглянулся, и Михайло спросил:

– А что он ждёт? Вторую веревку?

– Мзду он ждёт, – презрительно сплюнул за борт Спесь Федорович. – Сову там, или хотя бы лепту малую.

– Так он что, лепила? – шепотом, от которого даже волны разгладились, удивился Михайло.

– Он – мздец, и сейчас ему будет... хм, – атаман покосился на Ивашку, смущенно хмыкнул и перепрыгнул на берег.

На берегу разгорелась бурная дискуссия. А так как грек, оказавшийся еще и хромым, веревку не выпустил, то от его бурномахующих возражений ладью тягало вдоль всего причала так, что весла, которыми отталкивались от камней, трещали. Атаман рычал, как лев, причем на всех языках сразу, но вервь отобрать ему не удавалось. А внешне заморыш, который мог бы в одиночку вытащить ладью на обрывистый берег, бойко отвечал на тех же языках и так поддерживал свои комментарии жестами, что у некоторых дружинников началась морская болезнь.

– Спесь! – не выдержав, закричал сусанин. – Да дай ты ему! – и тихонько добавил: – В ухо...

Как ни шептал кормчий, но его слышали, причём все сразу. Грек бросил веревку, упёр руки в бока, набрал воздуха полную грудь, открыл было рот... Встретившись взглядом с сусаниным, поперхнулся, и стал быстро наматывать любезно поданный Спесем конец на причальный камень.

– Силен, силен, – добродушно похлопал его по спине атаман. – Может быть, с нами пойдешь? Чо ты тут горе мыкаешь?

– Никак мне нельзя, – кряхтя, помощник разогнулся.

– Ибо ранен я жестоко в страшной сече при Трое-городе прямо в пятку.

– И зовут тебя Ахиллесом? – влез в разговор любопытный Ивашка.

– Нет, конечно! – грека даже передернуло от такой кощунственной мысли. – Мой отец сам Гефест! Тоже хромоногий.

Волхв замолчал, пытаясь понять, каким образом хромоногий покровитель кузнецов стал отцом портового побирушки, которого подстрелили уже в зрелом возрасте.

– Ага, – согласился многоопытный атаман. – Значит ты – Гефестид. И что скажешь по поводу присоединения к нашей артели?

– Я же сказал, – недовольно проворчал потомок бога.

– Нельзя мне, ибо пенсию по ранению платят только когда я в городе. Да и напутешествовался я уже, надоело.

– Да что же это за пенсия такая, что герой в порту побит... хм-м, подрабатывает?

– Так Ахиллоиды у власти, завидуют, – хмуро ответил Гефестид.

– Кстати, о птичках, – не унимался Спесь Федорович. – Думаю, что ты как муж многоумрый сможешь проводить нас к меняле, чтобы получить потом достойную плату за помощь иноземцам.

– А стоит ли так далеко ходить? – грек сощурился и быстро, воровато огляделся по сторонам.

– Стоит, стоит, – успокоил его атаман, а стоящий рядом Михайло с хрустом потянулся, ненавязчиво показав кулаки, что по размерам если и уступали голове местного жителя, то немного.

Почесав спутанную шапку волос, Гефестид задумчиво посмотрел на Михайлу и, обернувшись, закричал что-то на своем языке.

– А попутчики нам зачем? – удивился Спесь Федорович.

– Так я же потомка Геракла зову, он силен, а места здесь опасные. Для иноземцев! – туманно объяснил абориген, ещё раз посмотрев на кулаки дружинника, и сглотнув слюну.

Подошедшая иллюстрация известной мудрости про силу и ум была тоже грязной и одетой в рваные обноски. В глазах не было ничего, кроме желания подраться, а побитые костяшки на пальцах показывали многолетний опыт в этом деле. Но несколько слов, небрежно брошенных первым обитателем порта, смогли успокоить гиганта. Добродушно толкнув Михайлу в плечо, Гераклид остановился и стал ждать дальнейших инструкций.

– Теперь я готов. Пойдём?

Кудаглядов оглядел своих, пересчитал их для убедительности на пальцах и согласился:

– Пойдём. Давно пора было цивилизацию к вам принести, – и, вновь повернувшись к команде, строго предупредил: – Насильно прогрессорствовать не разрешаю! Только по обоюдному согласию!

Дружная компания в которую входили Михайло, Геллер, волхв и сам Спесь Федорович со товарищи, хором печально вздохнула и, не торопясь, отправилась за проводниками. Идти было недалеко, но Ивашка весь искрутился в ожидании иноземных чудес. Всё-таки первый совсем чужой город. Конечно греки, и греческие, и византийские, были привычны. Но здесь они были у себя дома и выглядели совсем не так. Куда-то пропала их льстивая смиренность, угодливость, тайное презрение ко всем, кто не грек. Местные, когда не спорили между собой, яростно жестикулируя, то обычно лежали в тени, провожая ленивыми взглядами проходящих мимо. Тени для отдыхающих хватало с лихвой. Да и проходим перепадало – от низких каменных домов, нависавших над узкими улочками. Михайло уже ухитрился ободрать плечи и сейчас только злобно шипел, поглядывая на Гераклида, который сновал между шершавыми стенами с опытом, приобретенным долголетней практикой. Вышедшая из подворотни облезлая собака злобно зарычала на ватажников, увернулась от пинка Гефестида и обескуражено смолкла в ответ на вопрос Геллера:

– Шо рычишь? Голодная, что ли?

Тяжелая ладонь безбоязненно потрепала собаку по голове, и под нос ей упал кусок копченого мяса:

– На! Погрызи, а то щеночки твои молока не дождутся. А рычать не надо, люди – они не звери, они все разные.

Гераклид обернулся и, сглотнув слюну, попытался вернуться к подворотне. Взгляд Володимира приковал его к месту, и даже без переводчика грек моментально понял повторенные специально для него слова:

– Люди – они разные бывают...

А атаман, вздохнув, добавил:

– Вот именно! Поменяем деньгу, зайдём в трактир, или как у вас тут едальня называется.

– Батько, – смущенно пробасил Михайло. – А можа, сразу зайдём?

– Прогло-о-от! – восхищенно протянул Спесь Федорович, но всё-таки объяснил: – Ты понимаешь, у них тут свои порядки, людям на слово не верят.

– Как не верят?! – ошеломленный ватажник так резко остановился, что в него врезался Гераклид. Но потрясенный Михайло не обратил на толчок никакого внимания:

– Да что они за дикари такие? Ни, батько, давай возвертаться, съедят же, аборигены этикие.

– Тебя? – скептически поднял бровь Кудаглядов.

Смущаясь, Михайло оглядел себя, на пробу сжал кулак, поднёс его к собственному носу, понюхал и успокоился. Компания, слегка отставшая от Гефестида, догнала того, уже стоящего у невысокого столика. На столешнице громоздились горки потемневшей бронзы и маленькие кучки такого же тёмного серебра. Меняла, лениво крутя тоненькую желтую пластинку в руках, молча слушал яростно машущего руками Гефестида и брезгливо морщился. Ивашка с интересом стал рассматривать первого встреченного им представителя столь необычной профессии. Те деньги, что попадали в княжество, взвешивали при дворе у князя, и практически никто их и не видел. Да и не нужны они были никому, только девчата выпрашивали серебряные монетки у Ерша Ершовича, себе на висюльки. Особенно ценились у них восточные деньги, и то из-за красоты непонятных надписей или узоров. Сейчас же прямо на улице разворачивалось великое финансовое таинство. Высокий, даже очень, для грека, конечно, мужчина с идеально правильным высоким носом без переносицы и связанными в хвост волосами, в пурпурном плаще, склонился над желтоватым прутком, тщательно рассматривая его со всех сторон. Наконец-то он поставил на стол глиняную чашу и небрежно кивнул. Появившийся из темного входа

седой мужчина с перебитым носом, одетый только в блекло-синий хитон с неподшитым низом, налил в вазу чистой воды до самых краев и замер за плечом хозяина. Брошенный в вазу пруток выплеснул на подставленное заранее блюдо лишнюю воду. Оценив количество воды, меняла горестно вздохнул, но подвинул к атаману пару кучек серебра. Атаман опять задрал бровь и наклонился над столом. Следующий вздох купца выжал бы слезу сострадания из камня, но еще один небольшой холмик совсем уже затертых монеток добавился к предыдущим. Поколебавшись, меняла добавил еще пару горстей бронзы. Спесь Федорович выпрямился и молча развёл руками. Столик хрустнул. Это подошедший Геллер положил на него руки и очень внимательно посмотрел в глаза грека. Тот презрительно сморщился, но, судя по внезапно вильнувшему в сторону взгляду, всё понял правильно. Собрав в кожаный мешочек все монеты, что лежали на столе, Володимир выпрямился и махнул рукой:

– Надул, конечно, но так лень торговаться. Пойдём, что ли, атаман?

Идти было недалеко, благо, рослый Гераклид, уже махал рукой от какого-то подозрительно низкого проёма.

– К Аиду, что ли, зазывает? – засомневался атаман, но, подойдя ближе, успокоился. Вход казался низким только потому, что ступеньки вели куда-то в подвал. Зайдя в таверну, Ивашка удивился чистоте каменного пола и отсутствию хмельных песен. В стольном граде был только один кабак, и тот был раз и навсегда захвачен приезжими. Местные в него ходить брезговали, а стражников, для порядка, князь отправлял туда в качестве наказания. Правил там могучий Константин, давно уже обжившийся в княжестве византиец. Зашедшему как-то раз волхву Щерому, что водил с собой учеников для изучения нравов, византиец налил братину своего напитка и, усмехнувшись от побагровевшего лица учителя, гордо сказал:

– Это шустовский! На тьме трав настоящий и пять годов в дубовой бочке выдержанный! Только для князя и моих друзей!

Но в кабаке Ивашке не понравилось: лето, гостей много, шум, гам. Непорядок. Все лакают из больших кружек, каждый орёт, кто-то уже спит в миске со специально нарезанной травой. Мягче ему так, что ли? А здесь было всё тихо и благолепно. Чисто одетые греки аккуратно ели сыр, ломали лепешки, отхлебывая из высоких кубков. В уголке что-то брэнчал на лире молодой аэд.

Усевшись на лавку, Спесь Федорович кивком позвал хозяина и сурово приказал:

– Чтоб всё было как надо! А что не надо, то ни-ни!!

Удивленный трактирщик повернулся к хромоногому проводнику, но блеск серебра в руке главного заказчика помог обойтись без переводчика. Вскоре стол был заставлен мисками, кувшинами и чашами, а Гефестид стал настойчиво просить холодной воды. Не успели дружинники удивиться, как вода, да ещё со льдинками, была доставлена шустрым мальчишкой. Налив в свою чашу воды, грек долил её до краев из кувшина с вином и, высоко подняв, провозгласил:

– Хайре!

– Чего это вдруг «харе»? – недовольно спросил Михайло, пододвигая к себе блюдо с ещё шипящим мясом, а второй рукой нащупывая чашу с вином. – Только вот сели, и нате вам...

– Он предлагает возрадоваться, – уточнил Геллер, отщипывая веточку от какой-то травы, полностью покрывающей мягкий сыр.

– А-а-а, это хорошо, это по-нашему! – обрадовался богатырь и, бестрепетно взяв горячий кусок поджаристого мяса, закинул его в рот. Челюсти сомкнулись, но тут неожиданно глаза полезли на лоб, а рука, уже обхватившая за бочок симпатичную чашу с темным вином, как-то сразу обмякла и упала на стол.

– Ты чего? Подавился? – встревожился Володимир и потянулся было стукнуть по спине, но Михайло уже проглотил кусок и ошеломленно покрутив головой, громоподобным шепотом поделился своим открытием: – Вкус у мяса, как у козлятины старой.

– А это и есть козлятина, – спокойно ответил атаман, пережевывая свой кусок. – Но молодая. И еще, дружина моя верная, вином не упиваться. Крепкое оно у них и горькое.

Осмелевший волхв тихонечко подтащил к себе чашу Володимира и принюхался. Пахло солнцем, смолой и ещё чем-то малознакомым. Обнаружив своё вино у Ивашки, Геллер нахмурился, но потом разрешил. Один глоток. А больше парню и не захотелось, уж больно густым и терпким было чёрно-красное вино. И вкус его был резок до неприятия, даже солнце в нём жгло язык, и будто расплавленная смола липла к горлу. А смутно знакомый запах морской горько-соленой волной ударил в нос, и казалось, что наглые чайки вновь закричали над головой. Вернув запретный плод старшему, Ивашка оторвал кусок сыра и, пережевывая солоноватый комок, вдруг вспомнил свой любимый напиток, взвар.

Осенней порой, когда мелкий дождик льет целыми днями, или студеной зимой, нет ничего лучше, как после дня, занятого делами и заботами, сесть у уютно гудящей печки, отхлебнуть глоток горячего питья и раствориться в лете. Щедрое, а не злое, как здесь, солнце согрело травы, летний весёлый дождь дал им силу для роста, озорной ветерок теребил их, не давая заснуть. Всё для того, чтобы, настоявшись с медом, поделились они своей силою с тобой. Второй, уже спокойный, глоток, и на тебя обрушивается нежная ночь, когда в травы входит покойствие и безмятежность. И звезды тянутся своими лучиками с небес, и вспоминается тебе, как под огромными деревьями, что упираются верхушками прямо в небеса, ты вдруг видишь эти звезды в глазах доверчиво запрокинувшей голову девчонки. И, вдыхая парок над горячим взваром, ты как наяву чувствуешь её дыхание на твоих несмелых губах. И всепрощающе улыбаешься, сделав ещё один глоток, вспомнив, как звенел в лесу колокольчик смеха ускользнувшей за миг до поцелуя подруги. Это взвар, напиток, которым поделились боги. А не горькое вино, которое даже местные разбавляют водой.

Ровный гул голосов, что скользил по краю сознания задумавшегося волхва, вдруг стих, как отрезанный. И в наступившей тишине парень услышал пока ещё удивленный голос атамана:

– А это что за театр?

Ивашка повернулся к светлому пятну входа и прищурился, пытаясь разобраться, что же было странного в фигуре гордо застывшей на пороге.

– Эврика! – воскликнула фигура и сделала шаг вперед.

– Вот же дожилась, бедолага, – грустно вздохнул Михайло. – Из одежды только губка и осталась.

Местные, покосившись на ворвавшегося гения, отвернулись к своим столам, и только хозяин снял фартук и пошёл к прибывшему, что-то бормоча себе под нос.

– Если тело, погруженное в воду... – задрал руку с губкой вверх, продекламировал мужчина. И оторопел, получив дружный ответ:

– Через полчаса не всплыло, значит, оно утонуло!

– Опять? – чуть не плача, отвернулся гений. Но тут подоспел трактирщик и закутал его в фартук:

– Слушай, Орхымэд, я тебя как брата прошу! Разбавляй фалернское, особенно когда ванну принимаешь, да?

– Так что же мне, вообще не мыться? – возмущенно шлёпнул мокрой губкой о пол светоч мысли городского квартала. Но, получив в освободившиеся руки чашу с вином, успокоился и позволил увлечь себя к ближайшему столу. Отхлебнув одним глотком добрую треть, внезапно повернулся к сдвинутым столам, где сидели ватажники, и радостно воскликнул:

– А, вот где варвары сидят, которых бить идут!

Михайло кротко положил большую обглоданную кость на стол и повернулся к атаману:

– Батько, позволь лавку взять с собой.

– Зачем? – удивился Ивашка, повернувшись к Геллеру. Но, дождавшись утвердительного кивка Спеся, на вопрос ответил сам богатырь:

– Так рукой я и прибить могу. А деревяшкой оно послабже будет.

Кинув на стол пару серебряшек, атаман поднялся первым и строго приказал:

– До смерти не бить, а прохожих укладывать в тенечке, чтобы солнечного удара не получили!

На улицу компания вывалилась как раз вовремя. Закутанный в багряный плащ, в мрачно надвинутом почти на самый идеальный нос шерстяном колпаке, никем не узнанный меняла инструктировал небольшую толпу с дубинками в руках. Страшили в коротких пропыленных плащах, открыв рты, заморожено смотрели на возбужденно шипящих змей, крутящихся вокруг короткого жезла.

– И каждый получит по целой драхме! – закончил инструктаж меняла и повернулся к входу в тракторию, из которого как раз выбирался Михайло, волоча за собой скамью с висящим на ней хозяином.

– Дядька, а почему у этого типа сандалии крылышками машут? Только пыль поднимают без толку, – в очередной раз поразился Ивашка, повернувшись к Володимиру. Но тот, яростно рванул рукав, освобождая руку, и прорычал:

– Попался, Проныра! Сейчас я тебе устрою похищение Велесовой телочки!

Змеи на кадушее подавились своим шипением и, быстро схватив в зубы свои же хвосты, прикинулись художественной резьбой. Завитые волосы встали дыбом, подняв колпак, и инстинктивным движением Проныра прикрыл жезлом наиболее пострадавшую тогда часть тела. Крылья на сандалиях превратились в вихри, но Геллер успел раньше. Со словами «а вот это тебе Велес просил передать!», он отвесил такую оплеуху, что менялу унесло в противоположную часть улицы, где он и замер, встретившись с тележкой, влекомой худющим ишаком.

– Вай мэ! – горестно схватился за голову, покрытую тюбейкой, пожилой мужчина в когда-то богатом халате. – Из самого Гиндикуша вино вёз, шайтана обошёл, дэвам ни капли не дал, ишака собственным потом поил! Савсэм довёз, Гиви радовать, дэнги получать! И тут...

– Подержи его немного, отец! – закричал Геллер, быстро шагая по серым пыльным плитам мостовой. – У меня для него еще много подарков передать просили!

Змеи, вновь распутавшиеся, жадно лакали разлитое из разбившегося кувшина светло-красное вино, пользуясь случаем. Меняла лежал без движения, а свалившиеся сандалии встревожено порхали над ним, периодически оборачиваясь носами к приближающемуся «дарителю». Потом правый резко кинулся навстречу и стал метаться перед лицом Володимира, а левый спикировал к хозяину и усилил трепыхание крылышек, стараясь привести того в чувство.

– Брысь, мелкота, – проворчал Геллер, отодвигая защитника в сторону. – Ничего особенного я делать не буду, приветы вот только передам, и заберёте своего Проныру. Всё равно он бессмертный.

– Кито безмертный?! – яростный крик ударил в спину и полетел дальше по улочке, рикошета от стен. – Кынжал резать буду много-много!!

Удивленный Ивашка, устремившийся было за дядькой, обернулся. Хозяин трактории уже выпустил лавку и сейчас пытался вырваться из рук Михайлы. В руке у почтеннейшего негоцианта сверкал огромный кинжал, по размерам напоминающий небольшой меч.

– Пусти мэня, пусти! Он – вор, он у меня самое лучшее украл! Я его зарэжу, да, и все люди скажут – вах, Гиви, маладэц!

Тут, совсем некстати, сверху прозвучал мелодичный голос:

– Зачем резать, дорогой? Или ты всё-таки нашёл барана, о котором так долго мне рассказывал?

Михайло поднял голову и невольно разжал руки, но трактирщик никуда не побежал, а сел прямо на мостовую и заплакал.

– Девонька... – восхищенно прошептал богатырь, заглядывая напрямиком в распахнувшийся хитон низко наклонившейся из окна гречанки. Но она не глянула в его сторону, а, отшатнувшись, скрылась в темноте дома. Впрочем, через миг прекрасная воительница, держа в руках тяжёлую даже на вид кочергу, уже стояла около Гиви.

– Гивиат, встань и говори прямо, кто и что у тебя украл?

– Вон тот, – махнул рукой уже вставший хозяин. – Он украл у меня веру в человека! Ахмет-джан вино нам привез, чистое, как твоя улыбка, сладкое, как твои губки. Оно сделано из фруктов, которые отражались в озерах, голубых, как прекрасные глаза моей музыки, то есть твоих, Европа. Я ждал Ахмета, я хотел сделать тебе и только тебе прекрасный подарок, а этот... Он оскорбил моих гостей, привел стражу, и он разбил наш кувшин... Он украл веру, я больше не могу верить всем, я буду резать его, как кентавра, и вновь уйду в горы, потому что больше нигде нет места гордому джигыту, вах!

– Мы, – свистящим шепотом уточнила Европа. – Мы вместе будем резать этого негодяя и вместе уйдём! И Майя уже не вымолит прощения для своего беспутного сына!

Первым почувал угрозу правый сандалий. Он обогнул руку Геллера и в стремительном пике ударил хозяина в лоб. Тот вяло открыл один глаз, заметил летящую на него фурию и тряхнул кадуцеем. Но обвисшие с жезла змеи только синхронно икнули и даже не пошевелились. Уже грянул клич:

– Стоять, Гермес!

Уже взметнулись к побелевшему от испуга небу чёрная, как глубины Тартара, кочерга, и сверкающий, как молния Зевса, кинжал, но тут дрогнул воздух, и тело Гермеса подернулось рябью, два раза мигнуло и пропало.

– Опять удар, – горестно констатировал сын гор.

– Пускай, – отмахнулась Европа. – Всё равно поймаем. Пойдёмте к нам, Ахмет-джан, и вы, уважаемые варвары, простите, не знаю ваших имён.

– Благодарствую, – низко поклонился Володимир. – Но надо нашим друзьям помочь, а то что-то неладное у них там творится.

Волхв обернулся и успел заметить, как замахивается Михайло. Порыв ветра от широкого, как душа хорошего человека, замаха взъерошил волосы у парня, и горец спокойно заявил:

– Нам там делать нечего.

– Как так нечего? – удивился Геллер. – Атаман велел всех в тенёчек переложить. А это ещё кто?

Тайком проникший в расщелину улицы солнечный лучик ударился о сверкающую медную броню и обиженно рассыпался блёстками. От стены до стены стали закованные в броню воины с низко надвинутыми на лбы шлемами. Лязгнули сомкнутые щиты, и строй ошетинился острыми жалами копий. В первом ряду вои держали копьё в руках, просунув их между щитов. Второй ряд положил свою оружейную справу на плечи товарищей, а третий ещё и добавил остроты к первым двум.

– Крепкие хлопцы в первом ряду стоят, – похвалил воинов Геллер, деловито поднимая оглоблю от разваленной тележки, – уже по два бревна на плечах держат.

– Фаланга, – с гордостью сказала Европа и вдруг схватилась за щёки. – Так как же это? В нашем городе фалангу строят! Против кого?!

– Против кого, потом будем разбираться, – мрачно ответил Володимир, примериваясь, – Сначала их с нашей игрой познакомим, городки называется. – А ну, братия, пригнитесь!

Последние слова он выкрикнул на своем языке, и кому надо его поняли. Оглобля просвистела по улочке, и строй рухнул. Получив дрыном по коленям, упал первый ряд, а вслед за ним посыпались и остальные.

– Как в кузне у Машкиного батюшки, – мечтательно проговорил Ивашка, увертываясь от катящегося под уклон и отчаянно матерящегося воина.

Европа махнула кочергой, и воин покатился дальше уже молча.

– Не понимаю, чего на него нашло? Почтенный человек, зеленью торгует, а ругается как кентавр.

За обсуждением моральных качеств местного ополчения несостоявшиеся убийцы Гермеса подоспели к остальным в тот момент, когда атаман при активной помощи остальных уже достал из панциря командира фаланги. Гречанка ахнула, а её супруг задумчиво положил руку на кинжал, точащий из-за пояса.

– Какой позор! Гефестид, как ты мог?!!

– А что я? – раненый в пятку обитатель порта висел в воздухе, а зажатая в крепкой руке Михайлы хламида угрожающе трещала. – Мне сказали.

– Ты привёл хороших людей ко мне! – возмущенно подскочил на месте Гиви. – Ты у них деньги брал! Ты за стражников вступился, да?!

– За каких стражников? – удивился Гефестид.

– Вон за тех! – махнул рукой в сторону смиренно лежащих у ближайшей стенки оборванцев Михайло. Хламида жалобно затрещала, но удержать тело хозяина не смогла, и с воплем «Я их не видел!», бывший проводник улетел к стене. Стена оказалась крепче материи, и после глухого удара грек сполз по ней до гостеприимно распластавшейся мостовой.

– Ведмедь, – огорченно сплюнул Спесь Федорович. – Я же хотел его спросить, куда он нас еще поведёт? На целый же день нанимался.

– Так их же двое было, – виновато ответил Михайло и, поколебавшись, направился к груде тел, сваленных на месте разбившегося кувшина. Вяло шевелящиеся воины одновременно вздрогнули и стали стремительно расползаться. Положение спас остроглазый Ивашка, указавший на выглядывающего из-за угла Гераклида.

– А ну, мил человек, иди-ка до нас, – ласковым голосом позвал того атаман. И, как ни странно, улыбающийся гигант покорно направился к компании, явно не чувствуя за собой вины.

Подойдя ближе, Гераклид смущенно стал извиняться, что покинул компанию в таверне, но Гефестид – он-то всегда старшой, он сразу сказал, что к начальству итить надоть. Богатырь душераздирающе вздохнул, отводя взгляд от раскинувшегося в позе морской звезды проводника:

– А мы и выпили-то всего по чаше, даже не закусили почти. А потом он мальчонку послал в ареопаг, а меня по своим адресам погнал.

– А зачем? – грустно спросил Геллер, поднимая с мостовой медный панцирь и зачем-то раздирая его на части.

– Как зачем? – удивился гигант, нервно сглатывая слюну от скрежета раздираемой пальцами меди. – Он и сказал: Родина, мол, в опасности! Собирай мой десяток, пойдём, проводим гостей на агору.

– Это понятно, что в опасности, – согласился Кудагладов, потом подумал и добавил: – Не понимаю, правда, в какой. А на гору сходим, посмотрим, послушаем.

– А может быть, сначала к Гиви зайдём? Там еще не всё доели, – скромно потупился Гераклид.

– Успеем, – отмахнулся от радостно оживившегося Михайлы атаман. – Гиви с нами пойдёт, ему как жителю города тоже на собрание надо.

– Нэ хачу, – хмуро отказался владелец трактории. – Кричат много, да. Делают мало.

– Как это не хочешь?! – Европа уткнула руки в боки и стала удивительно похожей на миллионы женщин, столкнувшихся с семейной проблемой. – Это наш город, и у нас демократия! Каждый должен сказать!

– Сказать, – согласился Гиви и, задрвав вверх указательный палец, назидательно продолжил: – Сказать, но не кричать! Собрание мужей должно быть, а не торг в базарный день!

– Ладно вам, – отмахнулся Геллер от раскрывающей рот женщины. – Идём, что ли? Мальчонке надо вашу демократию показать, пусть радуется, что у нас такого нет.

Немного поворчав для приличия, Гиви отдал свой кинжал Ахмету и, отправив того вместе с Европой в своё заведение, возглавил процессию.

– Кинжал надо оставлять, – с горечью поведал горец удивленному атаману. – Горячий я человек, да. Порежу совсем глупых ораторов.

По сторонам Ивашка почти не смотрел, город был скучен и одинаков. Высокие стены загораживали внутренние дворики, а плоские крыши домов жались друг к другу в непрерывную дорогу. Улочки были узкими и грязными, единственное что – мощенными. Близость стен спасала от солнца, но полностью загораживала просмотр, так что волхв начал прислушиваться к бурно жестикулирующему Гиви.

– Ушёл я в горы, да. Тот кинязь совсем дохлый был, его родня сильно обиделась. Дэн сижу, два сижу. Хванчкары нэт, хурджин савсэм пустой, хачапури нэт, лепешка кончилась. Думаю, говорят, в Греции всё есть. А мэня там савсэм нэт, непорядок значить. Пошэл я с гор. Туда иду, сюда иду, нэмного торгую, да. Здесь взял, там продал. Скучно. А Греции всё нет и нет. Зашёл, панымаэш, совсем далеко, тут из леса выскакивают такие-сякие, железом машут, кричат, да...

Атаман с рассказчиком свернули за угол, и Ивашка ускорил шаг, заинтересовавшись быльё.

– А я им говорю, вах, зачем шуметь, да? А они, полукони, только ржут и вокруг меня прыгают, савсэм дикие, да. Смотрю я на них, смотрю и понимаю, нэ хотят они говорить, да. А я, кинязь, горячий савсэм. Вынул я кинжал, туда-сюда махал, тихо стало. Совсэм тихо, – уточнил Гиви и оглянулся.

– Вот ты, мальчик, скажи, зачэм онэ на мэня саблями махали, а?

– Не знаю, – растерялся волхв. – Может быть, у них такой обычай? И кто это – полукони?

– У нас их китоврасами зовут, – ответил Володимир и почесал в затылке. – Но у нас они спокойные, даже слишком. Хотя и редкие гости, холодновато для них в наших краях.

– У вас они, наверное, уже учёные, – уважительно посмотрев на руки Геллера, ответил горячий горный человек. – А здесь управы на них совсем нет, распустились. Там я, кстати, и с Европой познакомился, эти кентавросы её похитили. Дикие они... были...

А за очередным поворотом внезапно открылась большая площадь со множеством народа. И весь народ был очень занят. Говорильней и криками. Совсем рядом группа возмущенных граждан стаскивала с бочки оратора в неподшитом плаще грязно-серого цвета. А тот яростно отбивался, громко вопя хорошо поставленным голосом:

*В час, когда мужи городские,
Ждут бедствий великих от варваров жадных,
Только враги власти народной,
Смеют раскрыть свои гнилозубые пасти!
Ой!*

Последнее восклицание относилось к увесистому дрыну в руках одного из критиков. По всей видимости, литературному критику, ибо даже на вкус неискущенного в высокой поэзии волхва, ни рифмы, ни ритма в стихах оратора не было.

А на освободившуюся «трибуну» воздружили нового говоруна, и тот, упершись левой рукой в бок, а правую выкинув вперёд начал монотонно читать с клочка папируса зажатого в левой руке:

*В час, когда златоокая Эос, восстав ото сна,
Град наш великий озарила лучами,
В бухту, где сотни триер бок о бок смело встанут,
Мирные гости спокойно вплыли...*

С громким криком «Да здравствует охлос!», в толпу врезалась сплоченная когорта в одних хитонах и стала щедро раздавать тумачи, не задерживаясь для получения сдачи.

– Вся власть олигархам! – успел выкрикнуть без всякой бумажки оратор, прежде чем его смело с бочки разгоряченной толпой.

Гиви удержал возмущенного таким беспорядком Гераклида:

– Нэ лэз! Пускай накричатся, это несерьезно.

– Так наших же бьют, – растерялся герой.

– Здесь всех бьют, – удивительно рассудительно сказал Гиви и потянул атамана за рукав, – Пойдёмте со мной, друзья, покажу вам, где остраки раздают.

– А эти «остраки» хоть вкусные? – сглотнул слюну Михайло, придавливая ладонью громкое урчание в своем животе.

– Нет, – нахмурился свободный житель города. – Они очень многим поперек горла встали. Но пока ничего другого не придумали.

Ивашка был разочарован: остраки оказались грубыми осколками глиняного сосуда с криво нацарапанными буквами местной азбуки. Да и раздавал их какой-то неприятный тип с бегающими глазками. А сидевшие неподалеку толстые греки в подозрительно чистых пурпурных плащах, прихлебывающие вино из черно-красных чаш, вообще вызвали чувство отторжения. Гиви устроил скандал, требуя выдать ему чистую остраку. Он поминутно хватался за пояс, пытаясь найти кинжал, и возмущенно шипел сквозь зубы, вспоминая, что оставил оружие дома.

– Я свободный гражданин! Я сам могу нацарапать имя избранника! Незачем мне подсовывать уже заполненный черепок!!!

А с трибуны, заслоняющей это безобразие, очередной трибун нараспев читал пламенный манифест:

*Гнев, богиня, воспой Ахиллоида, города сына,
Гнев благодетельный, много счастья принеший ахейцам,
На варваров диких, что разоренье несут граду и миру,
Злобно ограбив менялу почтенного и возводя на него дикий поклеп,
Самих богов оскорбив стяжательством мерзским!
К вам обращаюсь я, пышнопоножные мужи ахейцы!
Возьмите остраки и, мудрость явив, изберите стратега,
Ахиллесова сына,
Что грозной, медноблистающей руцей, выметет из града
варваров диких!
Пусть не стенают юные гибконежные девы, краток будет новый
налог,
Сон мне приснился, богами ниспосланный свыше, и истину вам я
говорю!*

Первым очнулся до сих пор молчавший Рысь:

– О ком этот пиит распинается? Кто это варвары дикие? И чего ради весь этот народ собрался?

– Стратига избирают, который войско в бой поведёт, – ответил отдувающийся Гиви, всё-таки отвоевавший чистую пластинку и теперь ищущий, чем же её поцарапать.

– А с кем воевать будете?

– С варварами какими-то, – равнодушно пожал плечами тратторщик, от напряжения при царапании высунувший кончик языка. – Их сейчас много развелось, кто разбогател, тот и варвар. Главное, успеть первым, пока тот тебя варваром не назвал.

– А сдаётся мне, что вещающий нас имел в виду, – негромко произнёс Молчун. И эти слова произвели ошеломляющее впечатление на всех. Даже не слова, а то, что всеобщее мнение озвучил самый неразговорчивый ватажник. Ивашка мало что знал о нём. Седой, с перебитым носом, кряжистый, как и все. Летом он был с ватагой Спеся, а зимой пропал на дальних засеках, и дружинники князя его охотно брали с собой. Давным-давно он пришёл откуда-то с севера, да и остался жить. И, несмотря на мрачный вид, к нему всегда льнули дети и зверята.

– И? – вопросительно заломил бровь Спесь Федорович.

– Не буду я воевать, – так же негромко ответил Молчун. – Мы не у себя дома.

– Генацвале, – повернулся к горожанину Кудаглядюв. – Надеюсь, вы не расстроитесь, если воевать не с кем будет?

– Я воевать не хочу, это стыдно, – хмуро ответил горячий южный человек, забросив свой черепок в урну. – Одно дело – врага рэзать, и совсем другое – вместе с толпой рваться бить такую же толпу. А потом ещё и доказывать побежденному, что он должен жить по-нашему, предварительно отдав нам всё, что у него есть. Скучно, да.

– Пойдёмте, друзья, – величественно повернулся Спесь Федорович, – Эй, а где наш сильный друг? Это не его ли там бьют толпою?

– Ему полезно, – равнодушно отреагировал Гиви. – Может быть, у него выбьют из головы все прекрасные мысли о торжестве демократии?

– Всё равно – не дело, – насупился Михайло. – Он с нами, а наших бить нельзя. А ну, разой-дис-с-сь...

Его охотно послушались. Некоторые, правда, улетали прочь, так и не поняв, что с ними случилось, но дорогу освобождали. Ивашка устремился вслед за ним, как и остальные. «Надо же видеть, чтобы потом описать», – так объяснял себе эту беготню летописец, но писать оказалось не о чём. Гераклид, до того только ворочавшийся под целой горой азартно верещащих противников, быстро поднялся с помощью друга, и драка закончилась за неимением оппонентов. Но наши герои благоразумно не стали дожидаться окончания выбора полководца. В связи с окончанием бурных дискуссий и миграцией населения к центру агоры, где уже заканчивались подсчеты, дорога освободилась, и грех был этим не воспользоваться.

На самом краю площади ватага миновала группу людей в скромных плащах из грубо отбеленной ткани. Все как один, они были в лавровых венках и сейчас весело переговаривались, передавая по кругу кувшин. Только в стороне пара насупленных типов упорно меряла что-то мелкое, время от времени споря яростным шепотом и кидая опасливые взгляды на веселящихся.

– Это пииты, – на ходу ответил Гиви, перехватив вопросительный взгляд волхва. – Написали речи выступающим, гонорарий обмывают. А те двое клёпку из бочки меряют, из той самой, что под оратором развалилась. Потом пиитов критиковать будут за то, что клёпка была не той системы. Главное – не вмешиваться в их творческие споры, а то народ дикий, за клёпку и убить могут. Заклёпочники, однако.

– Зря мы Эйрика не взяли, – мечтательно произнёс Геллер. – Он бы им спел вису.

– Не знаю, о ком вы говорите, – тратторщик оглянулся и ускорил шаг. – Только уверен, что это бесполезно. Эти заклепочники и самого Аполлона на смех бы подняли, если бы не знали, как тот на критику реагирует.

Ватага свернула на очередную узенькую дорожку между стенами домов, и никто не успел даже слова сказать, как из бойницы первого этажа высунулась рука и ловко стащила с головы атамана шапку. И, как точка в окончательном приговоре, прозвучал резкий стук закрываемой ставни. Не веря ещё вполоснённым взглядам и пронзительному ощущению прохлады на макушке, Спесь Федорович поднял руку и зачем-то пощупал воздух над своей головой. Потом неуклюже повернулся и пошёл вперёд, но, стукнувшись об стену, замер и растерянно спросил:

– Зачем?

Первым вскинулся Гераклид. Глубоко оскорбленный таким мелким воровством, он с разбега ударился в дверь и отлетел к противоположной стене. Вскочив на ноги, зарычал и, опустив голову, вновь кинулся на ненавистную преграду.

Но встретив другую – неожиданную – преграду, вновь отлетел в сторону. Преграда, то есть Михайло, почесал ушибленную грудину и озабоченно наклонился над греком.

– Не ушибся?

– Надо дверь ломать! – яростно воскликнул Гераклид, вскакивая с горящими жадой мести глазами.

– Не надо, – глухо ответил Спесь Федорович. – Гермес то был, гопник мелкий. Не будем ему уподобляться и пакости творить. Мы его ещё встретим.

Спокойно пройти удалось только до первой подворотни. Из чернильного мрака выступила собака и дружелюбно завилала хвостом. Геллер на ходу наклонился погладить её по голове, но неожиданно остановился. Собака, не переставая молотить воздух хвостом, тем не менее, удерживала его зубами за руку.

– Что случилось? – встревожился Володимир. – Ты меня зовешь? Очень надо? Хорошо, пойдём.

– Не ходи один, – окликнул его атаман. – Собака умна, но и её можно обмануть.

Вместе с деликатно придерживаемым зубами Геллером в переулок вступили Ивашка и Михайло. А вслед им шагнул Молчун.

Собака привела их к удивительному для каменного города зданию. Хижина, а иначе это сооружение язык не поворачивался назвать, была кое-как построена из дерева. Обломки кораблей смешивались в ней со старой, но еще крепкой, мебелью в причудливой гармонии. А крыша ещё помнила своё прошлое, когда она была воротами в небольшом городке, и жалобно поскрипывала под ветром, мечтая широко открыться. Сидящий на пороге седой старик, вскинул голову и посмотрел в сторону приближающихся людей.

– Кого ты привела к нам, Писташ?

Волхв присмотрелся к старику и понял, что тот слепой. Только незрячий может смотреть, не щурясь, в сторону солнца, и только давно ослепший может так уверенно повернуться в сторону еле слышных шагов. А собака на ходу потёршись об опущенную ладонь хозяина, нырнула под хижину и вскоре вылезла, таща за собой кого-то бурно протестующего. Дотащив до Геллера толстого щенка, она по-человечески вздохнула, ткнулась носом в ладонь Володимира и отступила к хозяину. Тот привычно опустил ладонь на холку и приветливо сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.